

СМЕНА

№ 8 (934) АПРЕЛЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

120 ГОРОДОВ В ОДНОМ ДОМЕ

Репортаж из ГИПРОГОРа читайте на 4—7-й страницах.

Виктор ЛЕВАШОВ

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

С Борисом Махмудовым, начальником комсомольского штаба всесоюзной ударной стройки — Ахан-Гаранского цементного комбината, я познакомился в то время, когда он, авершин бригады электросварщиков, только начинал разворачиваться на новом для него поприще. Устало жаловался в первые месяцы:

— Трудно. Не видишь результатов. Бригадирю что! План есть, значит, бригада работает хорошо и ты свое дело делешь. А здесь...

Комсомольская работа — глубокий понос. Можно оценить результаты ее по количеству проведенных мероприятий, по эффективности рейдов и контрольных проверок, по активности в сборе членских взносов, наказы, по дисциплине комсомольцев, которые не срывают по три раза назначенное собрание. Но это признаки внешние. «Цветочки», как говорил Борис. Не к концу смены, не в завершение квартала — через годы порой проявляются главные ее результаты. Они в том, что вчерашний «молчаливый» выступил на собрании с взволнованной критикой в адрес начальства, вчерашний «малышечки» и легку в разговорах все чаще употребляет «мы» вместо привычного «я».

— Я все это понимаю, — отвечал Борис на мои доводы. — Так-то оно так. И все-таки...

Мы подружились. Я довольно часто бывал в Ахан-Гаране, жил по две-три недели, обгоняя раскладушку в той же палатке летучего городка, в которой стояла юбка Бориса. Мне нравился стиль его работы, обстоятельный и деловой. Всем правдами и неправдами «отбориваясь» от райкомовцев, которые требовали максимального расширения деятельности штаба, отчета по десяткам мероприятий, он начинал с нуля — с одного дела, тщательно продуманного, и доводил его до конца. Помнится, это был комплекс рейдов по простоям бригад. Он сразу повисил авторитет штаба и создал вокруг Бориса надежное, хоть и небольшое поначалу, ядро активистов.

«Лучше одно дело выполнить хорошо, чем двадцать плохо...» — таково было твердое его убеждение. Естественно, что «улучши» сложившаяся вызвали раздражение райкома, привыкшего по тем

временам к лихим цифрам в отчете, особенно когда это касалось производственного сектора. Только через полгода имя Бориса перестали склонять на каждом бюро: к тому времени у комсомольского штаба был уже привычный эпюлогический список и рейтинг, с богатейшими потенциальными возможностями актива.

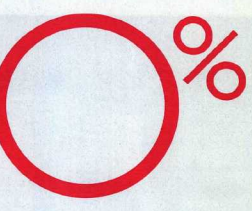
Как-то весной 1960 года в напомнил Борис первый наш разговор. Я ожидал, что он сошлется на авторитет штаба и руководства стройки, на цифры экономки, жившие привычным ритмом работы актива, на уважение, наконец, митингового коллектива молодых строителей к штабу вообще и к нему, Махмудову, в частности.

Однако критерий, которым Борис мерил себя, лежал в иной моральной плоскости. — Видишь ли, — сказал он, — мне легко разговаривать с самым лучшим бригадиром, с самым лучшим каменщиком, с самым лучшим инженером, потому что, как и они, я делаю все, что в мои силах, и немного больше...

И подобно тому, как брошенный в воду камень образует круги, любое событие в жизни коллектива, большого или малого, вызывает широкий общественный резонанс. Экономические предпосылки кардинальной перестройки управления народным хозяйством известны. Постепенное, по крупицам накопление нового, прогрессивного опыта привело к качественному скачку, продиктовало emergence более совершенной схемы. А каковы человеческие истоки этого? Каков общественный резонанс?

За последние полвека слово «хозяйин» претерпело эволюцию от классико-враждебного «хозяйкинистства» и «хозяйничула» к современному, высокому и почетному «хозяйин» — радельте народного добра.

Ниточкой во многих случаях был материальный стимул, побуждающий хозяйина стать настоящим хозяйном. Стремление к совершенству хозяйствования зачастую не приносило человеку — будь то рабочий-рационализатор или директор завода — ничего, кроме лишней забот и жизненных неудач. Но...

— Но ведь наше же это дело! Ведь если каждый будет делать лишь то, что положено, лишь «от сис до сис», жизнь остановится... — Тезисными словами Владимир Данилович Ялевский, начальник шахты «Зырянская», как то Кузбассе, закончил суховатый расказ о том, как инженеры шахты разработали проект реконструкции подвального транспорта, проект, потребовавший от каждого напряжения сил, давле выходящий за рамки «нормаль».

Да, чувство равенства за свое дело, за свою землю было, есть и будет одной из главных черт в характере советского человека. Решения партии о перестройке системы хозяйствования дают нам право сегодня с уверенностью говорить, что основная тенденция нашего времени — это рост ответственности не только за маленький участок своей работы, но и за все дело в целом.

Старшее поколение советских людей ценит своей самоотверженности создало промышленность страны, воссоздало ее из руин войны, многократно приумножило ее мощь. Сегодняшнюю молодежь не минули могучие ветвя веяния времени. Об этом лучше скажет статистика цифрами экономки от реализации изобретений и рационализаторских предложений молодых инженеров и рабочих, эффектом от ввода в строй десятков гигантов промышленной индустрии, комсомольских ударных строев, числом стадионов, Домов культуры, построенных руками молодых.

Я вспоминаю Владислава Борисова, начальника комсомольского штаба на строительстве громадной обогатительной фабрики в Юрсовске, человека востигну вездесущего и всеведущего; молодого геолога Вагана Баграмяна, темпераментного уроженца Баку, который, оставя работу, несколько месяцев, живя впроголодь, обивая пороги московских учреждений, добивался возобновления поисковых работ в Горной Шории, закрытых за бесперспективностью и оказавшихся-таки весьма перспективными; я вспоминаю сегодня молодого инженера-путейца Алма Толмачева, назначенного начальником машинно-дорожной станции, стоящей на грани развала, и его слова: «Нет, либо я здесь себе так сверну, либо породак будет. Не могу я тебе, чтобы не погробовать...»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

ВЛКСМ

Год издания сорок третий
Выходит два раза в месяц

8 (1966)

Апрель 1966

В ПОИСКЕ РЕЗЕРВОВ

«Я И РАД БЫ, НО...»

ЦЕНА СПОРНОЙ ИДЕИ

ПРИЗВАНИЕ И ДОЛГ

в Комсомол, в преддверии XV съезда ВЛКСМ, в комсомольских организациях подводятся итоги, делаются наметки на будущее.

Да, всякий внос молодежи в большую работу страны. Как его увеличить?

Да, тысячи и тысячи молодых рабочих, инженеров, ученых могут сказать о себе: «Я делал все, что в моих силах, и все немногое». Как приумножить число таких людей?

Повышение материального стимулирования, предусмотренное партией в Директивах XIII съезда, не может не вызвать роста творческой активности.

В комитеты комсомола, в комсомольские штабы, в райкомы и горкомы идут люди, которые никогда не числились в активе, притом со своими идеями, предложениями, мыслями. Большое начинается с малого. Нетрудно предсказать, что какие-то предложения будут практически невыполнимыми, какие-то идеи нереальными, а значительная часть мыслей спорными. Но это первый шаг, который делает человек к активному участию в общественной жизни, и от того, как встретит его в горюхе или в райкоме, зависит очень и очень много.

Некоторые время назад комсомольцы одного из крупных комсомольских заводов провели большую, обстоятельную рейд по качеству продукции и нарушениям технологического режима (что тесно связано одно с другим). Обобщение результатов проверки дало неожиданный результат: значительная доля причин аварии и брака происходила от крайне низкого качества ремонта и наладки узлов автоматики, силовых доработок и других точных приборов. Комсомольцы не ограничились устранением мелочей, они заинтересовались положением дел в цехе КИПа (контрольно-измерительных приборов и автоматики) и пришли в конечном итоге к выводу, подтвержденному вескими доводами: начальник цеха КИПа из рук своих плохо справляется со своими обязанностями. Помимо профессиональной неподготовленности, выяснились и факты зажима критики, устранения недовольных и людей других.

Я был в заводском комитете комсомола в тот день, когда обсуждались результаты рейда. Комната была набита битком — члены комитета, актив, ребята и девушки, забжевшие нас огоньки. По мере того как проделывался рассказ, только ахали возмущению, у кого-то вырывалось даже: «Судить его надо!».

Что делать с результатами проверки? Традиция подказывала: выпустить «моление», а о более глубоких выводах поставить в известность администрацию. Но следовать традиции — особенного

желания не было: ребята чувствовали, что дело выходит за рамки привычных рейдов. Новые выводы требовали какой-то новой, иной формы. Было то, что, если действительно устроить общественный суд над руководством цеха и его подчиненным Комю нанесен наибольший вред? Молодежь. Вот молодежь суд и дает свою оценку в открытую! А!

В лучшем предложении вызвало бурную реакцию. Как это бывает, началось «обкуртан» уточнения, добавления, переиhrтыва. В обсуждении активно участвовал руководящий работник райкома комсомола, однако, когда наметились более или менее четкие формы «мероприятия» и взоры ребят обратились к нему в ожидании одобрения, так сказать, официального, Михаила (фамилию его я не запомнил, да и не в ней дело), заваялся, задумался, потом со вздохом сказал: — Неплохо бы, конечно, да только...

Снова вздохнул, вскинул глаза вверх и развел руками, что означало: «Я бы и рад, да ведь ты а нас могут неправильно понять...»

На том идея заглохла. Правда, доплатила записки участникам рейда была обсуждено руководством завода, и начальник цеха от должности был освобожден. Эпизод невеликих масштабов, его можно было бы и забыть, тем более что меры приняты, но идея комсомольского суда над начальником цеха заслуживала гораздо большего, всеобщего, всестороннего обсуждения прежде, чем войти пунктом в план работы комитета комсомола. Я до сих пор не знаю, какой эффект мог бы получиться. Но то, что она была переиhrтывана она корню, заставляет задуматься о многом.

Так кто же вас, ребята, а точнее, тебя, Михаил, неправильно поймет? Чье руководящее перста тутаясь, ты отбрасываешь свежую, хотя и спорную, мысль?

Хорошо, что родилась она в кругу комсомольских активистов, людей «ктерки», которые не опустят руки, если их предложение отвергнуто. Ну, а если оно исходило бы от парнишки, который в первом э тебе пришел и которому эта идея кажется единственно верным решением? Ты думаешь, он придет к тебе во второй раз?

Разумеется, тот факт, что какое-то предложение исходило от человека, далекого от активного участия в общественной жизни, не означает, что оно должно быть принято «на ура». Оно может быть и отвергнуто, но не так вот, с хулу. Человека, идея которого не принята, должен уйти из комитета или райкома по доброй воле и с миром, а не а дернуть нутро,—только в этом случае он сохранит веру в добродетельность комсомольского секретаря, только в этом случае он придет к нему и в следующий раз.

Все еще живуча тенденция перекладывать ответственность на плечи других, всеми правдами и неправдами сохранять свое спокойствие. Эта тенденция всегда приносила вред, отталкивала молодежь от активного участия в общественной жизни. В то время как добродетельность, безразное и уняное отношение к каждому, даже слабому порыву всегда приносили свои добрые плоды. Сегодня этот эффе возрастает многократно, об этом нельзя забывать, раздумывая о том, как, за счет каких человеческих резервов увеличить вклад молодежи в общее дело.

В мае 1960 года я последний раз видел Бориса Махмудова. Спустя полтора месяца после разговора, с которого я начал эти заметки, Борис погиб, не сойдя с пути «МАЗа», груженого ворованным добром.

«СН жил, как на фронте», — написали ребята на обшивке, сараяном чепухе бывшей махмудовской бригады из восьмилитровых стальных листов. А молодой инженер, друг Бориса и товарищ по комсомольской работе, выступая на траурном митинге, сказал:

«Махмудов был человеком с коэффициентом полезного действия сто десять».

Сегодня Борис Махмудов был бы тридцать два года. Сегодня основной принцип его работы «Лучше одно глубоко, чем двадцать поверхур», принцип, принесший ему столько неприятностей, был бы воспринят не только как нечто само собой разумеющееся, но и как некие заветы организации комсомольской работы.

Такова логика жизни: молодежь, принимая по наследству достижения своих предшественников, обогащает их в себе новыми качествами, новыми творческими, добытыми путем собственных поисков и сомнений.

Но высший критерий оценки себе остается прежним: КПД-110% — «все, что в моих силах, и еще немного».

То, что считалось вчера прогрессивным, новаторским, становится нормой, обязательной для каждого члена общества. Для того, чтобы идти в ногу со временем, сейчас требуется больше самостояния, нежели вчера, больше человеческого КПД. Для того, чтобы ускорить рост гражданского, общественного потенциала, комсомольский работник 1966 года должен обладать большей чуткостью, большей зоркостью, должен четко осознавать, какой резонанс в человеческих душах получит тот или иной факт общественной жизни.

Да, любовь советам в жизни коллектива, большого или малого, любой факт общественной деятельности, является проявлением тех или иных тенденций времени, вызывает широкий отклик в сердцах и душах. Однако именно было бы думать, что характер коноши или девушки, вступающей в жизнь через проходную фабрики, завода или студенческую скамью, формируют лишь традиции положительные, что находят отклик лишь то, что способствует повышению гражданской ответственности.

Если бы дело обстоило так, то я не увидел бы в зале Дворца строителя Липовская парня, читающего детектив в то время, как Владислав Борисов отключился в своей работе, молодой, нулевой, интереснейший человек, который по своей природе на пользу именно ему, любителю детективов.

Если бы так, не пожимали бы плечами некоторые из коллег Виталия Мухоморова, которые его авзвали на себя, чтобы их же время и труд не оказались разstreпанными впустую.

Если бы так, не давали бы бывшие одноклассники Алику Толмачеву беспланных советов типа:

— Андрей Николаевич в добром здравии. Просил кланяться.
 — Умный человек господин Хардин...
 Молодой человек оказался помощником присяжного поверенного, ра-
 ботавшим у Андрея Николаевича Хардина, популярного в то время в
 Самаре адвоката, видного представителя либерального общества. Теперь
 он переехал в столицу, и Хардин просил в Хардин показать ему всевозможное
 содействие в поисках работы.
 — Скажите, коллега, давно ли вы с Хардиным работали!— полюбо-
 пыствовался хозяин.
 — С конца позарешного года,— ответил гость.
 — Интересные дела были!
 — Да как вам сказать! Все дела по-своему интересны... Вот, если
 угодно. Трети судили. Работы нет, дети с голоду пухнут, взяли по мешку
 да и пошли ночью в набир за хлебом. Поймали, конечно. Один из них,
 некто Урядин, сапожник, соборная ножа суд сшил этот нож оружен для
 убийства. С трудом удалось вырвать у присяжных «заслуживают снисхожде-
 ния», так и то судьи государевы по три года ни дали... Как же, посяга-
 тельство на священную частную собственность!
 — Голодает народ!— сетовался Волкешштейн.— Марин недавно выпу-
 стили в помощь голодающим, товари, думаю, полегче станут...
 — Ну, знаете, маркази тут не поможешь!— горячо запротестовал по-
 мощник присяжного поверенного.— Да и не в хлебе одно дело... Впро-
 чем,— спохватился ой!— я вас, наверное, задерживаю. Скажите, могу я
 рассчитывать на ваше содействие!
 — Безусловно, коллега, безусловно. И на этой же неделе. Да вот что:
 согласитесь ли вы пока со мной поработать!
 — Разумеется, господин Волкешштейн, с охотой за честь.
 Волкешштейн сдержал слово. Через несколько дней приезжий получил
 из Совета присяжных поверенных при Петербургском окружном суде
 свидетельство:

«Это свидетельство дано окончившему курс юридичских наук Владими-
 ру Ильичу Ульянову, православного вероисповедания, в том, что он
 с 3 сентября 1893 года числится в списке помощников присяжных поверен-
 ных и ныне состоит помощником присяжного поверенного М. Ф. Волкешштейна.

Свидетельство это не должно служить видном на иждивение.

Член совета — В. Леонтьев.

Очень скоро Волкешштейн убедился в прекрасных ораторских качест-
 вах двадцатипятилетнего помощника. По маленькой записочке с тезисами
 тот произнес целую речь, убеждая слушателей неотразимой силой
 своих доводов.

Но эта работа была лишь легальным прикрытием его революционной
 деятельности. Сразу же после приезда в столицу он возобновил зна-
 комства среди передовых рабочих, ведет занятия в кружках, составляет
 листовки, много читает. То было время перехода от занятий в небольших
 кружках — пропаганды, и работы в массах — агитации. Началась подготовка
 и созданию «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Молодой юрист давно уже привлек внимание охранки. Наблюдение на
 него велось еще в Самаре. 7 сентября 1893 года в департамент полиции
 поступил рапорт.

«Дочному,— писал один из агентов,— что августа 31 дня сего 1893 года
 неблагонадежный господин Ульянов прибыл в Санкт-Петербург и посе-
 лился по Сергиевской улице в доме под номером 58 4-го участка Литейной
 части».

Охранке стало известно также и о зачислении его в присяжную аво-
 катуру. Полиция возбудила дело. Вскоре на Литейный проспект в Совет
 присяжных поверенных поступила бумага на бланке самого министра:
 «Министру юстиции известно стало о приеме неблагонадежного гос-
 подина Ульянова в адвокатскую корпорацию... Министерство выражает
 уверенность, что русская присяжная адвокатура не потерпит в рядах своих
 такового».

Но адвокатские корпорации от министра юстиции не зависели. И эту
 свою независимость как нельзя лучше выразил товарищ председателя
 Совета присяжных поверенных Турчиников, начертав на послании мини-
 стрства: «Оставить без последствий».

...Прошло более двух лет. В декабре 1895 года помощник известного
 адвоката был арестован по делу «Союза борьбы». По инициативе
 М. Ф. Волкешштейна председателя Совета присяжных поверенных В. О. Лю-
 стик обратился в департамент полиции с просьбой передать арестованного
 на поруки. Но вице-директор департамента полиции С. Зволянский оставил
 просьбу без последствий; в передаче на поруки помощника присяжного
 поверенного Владимира Ульянова было отказано.

Из состава адвокатуры Владимир Ульянов был отчислен лишь три года
 спустя по причине «неизвестности местожительства и непредставления
 отчетов о работе».

* * *

24 мая 1921 года, заполняя анкету делегата X Всероссийской конферен-
 ции РКП(б), Владимир Ильич писал:
 «4. Образование... юридический факультет Петроградского универси-
 тета, окончил 1891

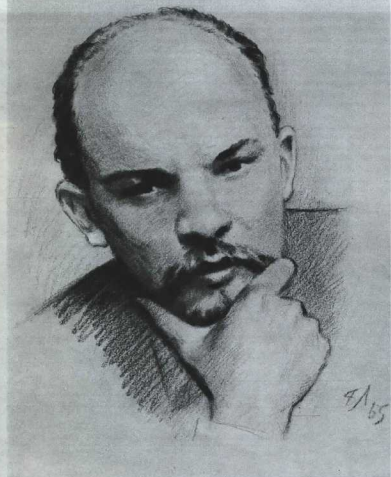
6. Былша профессия [указать вполне определенно] или какие специаль-
 ности звание... Помощник присяжного поверенного 1891-1895 журналист
 1893-1917».

* * *

В архивах найдено около двух десятков дел, проведенных помощником
 присяжного поверенного Владимиром Ульяновым в Самарском окружном
 суде. В их числе дело по обвинению Жидина, Заячева и Красильникова
 в краже зерна.

Ал. ЯКОВЛЕВ

Рисунок художника Б. ЛЕБЕДЕВА

ПОД ЛЕГАЛЬНЫМ ПРИКРЫТИЕМ

Однажды в дом по Преображенской улице, в котором жил
 известный петербургский адвокат М. Ф. Волкешштейн, вошел
 молодой человек.

— Могу я видеть Михаила Филипповича!

— Обойдите, сейчас узнаю,— призывно ответил лакей.—

Как прикажете доложить!

— Вот передайте, пожалуйста.— И присел в трюпик
 конверт.

— А... от Андрея Николаевича,— проговорил хозяин, едва взглянув на
 конверт.— Проси!

Приглашенный вошел в кабинет.

— Прощу вас, садитесь,— встретил его в дверях хозяин.— Давно ли
 из Самары! Как поживает любезный Андрей Николаевич!

ГОРОДОВЫЕ СМЫСЛЫ

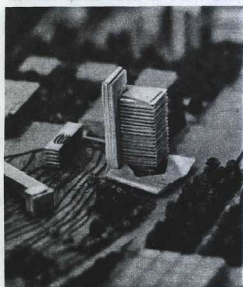
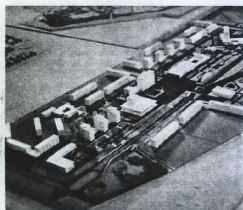

Фото В. САЙКА

«Истина рождается в споре». Перефразируя известный афоризм, можно сказать, что в споре рождается город.

ЛЕННИКИ

не удалось совершить путешествие с космической скоростью. Посудите сами: за считанные часы я побывала в гигантских промышленных районах, пролетела над далеко простирающимися лесными массивами, видела четкие контуры городов... А города

сменяли друг друга, как кинокадры. Владимир, Москва. Джалиль, Нижнекамск, Волжский, Миасс, Альметьевск, Ачинск, Братск... Правда, города эти виделись мне крохотными, уменьшенными в пять тысяч, а то и больше раз. Вот, к примеру, если верить названию, старинная Калуга. Но разве такой мы ее знаем сейчас?

А это? Неужели древний Владимир, сверкающий куполами белостенных соборов, стал всею навесом одним из районов огромного, совершенно нового города? Куда ни глянешь — строгие линии улиц, изящные очертания современных зданий, множество парков, садов.

Такой путешественник может совершить любой человек, погнав в мастерские Государственного института проектирования городов в Москве, где установлены макетами будущих городов длинные столы, стены увешаны схемами, планами.

В ГИПРОГОРе семь комплексных архитектурных мастерских. В них трудятся несколько сот архитекторов, инженеров, экономистов, техников. Правда чем приступить к разработке проекта, его авторы обязаны ознакомиться с массой самых разнообразных сведений. От природных особенностей и микроклимата предполагаемого района строительства зависит характер стройки, внешний вид города. Разработкой систем транспортных связей, инженерных коммуникаций проектировщики занимаются задолго до того, как начинается строительство... В чертёжках.

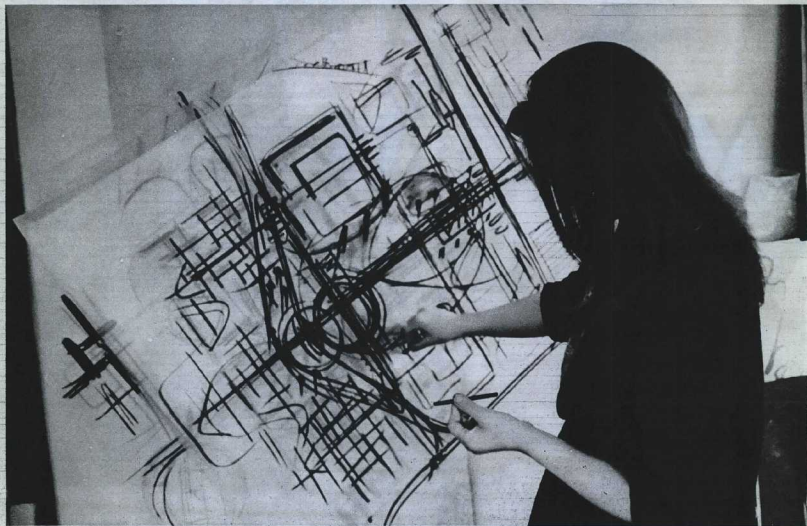
Анатолий Мелик-Пашев, руководитель шестой архитектурной мастерской ГИПРОГОРа, не стал сразу рассказывать о работе над проектом горно-оздоровительной зоны Домбай — Арзыз. Он старательно разложил на столе несколько увесистых томов, составленных из всевозможных карт, схем с разноцветными квадратами, кружочками, треугольниками

ми условных обозначений, чертежами гостиниц, жилищ, кемпингов, площадок для вертолетов, нищками подвесных дорог разных систем. Весь вид Анатолия как бы говорил: «Смотрите, что пришлось сделать, прежде чем мы пришли к окончательному решению».

Это долго пересказывать, сколько труда стоило нескольким десяткам специалистов разных областей — гляциологам, историкам, медикам, геологам, инженерам,

архитекторам — дать детальную разработку этого интереснейшего проекта. Можно представить, что замечательный район Кавказа, давно полюбившийся альпинистам и горнолыжникам, через несколько лет превратится в удивительную туристскую страну. Сказочная красота плюс максимум комфорта привлекут сюда туристов из многих стран. Их наплыв не будет неожиданным. Более двадцати тысяч человек смогут одновре-

В сложных переплетениях линий, во множестве различных условных знаков видят архитекторы будущей ежизвиной дорожку — каждый проспект, каждую улицу, каждый дом.

менно проживать в эдаких гостиницах.

В кабинете директора ГИПРОГОРА Яна Алексеевича Аир-Бабамяна привлекает внимание макет будущего плана реконструкции Шушенского. Завершено в таежной глуши крохотное село, связанное с именем В. И. Ленина, бесконечно дорогое нам. В ближайшие годы Шушенское станет городом с двадцатитысячным населением. Авторы проекта Я. Аир-Бабамян, Ю. Букреев поставили задачу — сделать город Шушенское своеобразным памятником. Илчунь. Вдоль Енисея раскинута мемориальная зона — будут восстановлены кварталы дореволюционной застройки, дома, в которых жил Ленин. А рядом встанут многоэтажные корпуса, промышленные предприятия, вырастет административный центр.

Во времена Ивана Грозного не знали иностранного слова архитектора. Тогда строителей называли градодельцами, чаще — горододелами, самодельниками. Удивительно точно, емкое определение. И хотя в памяти сразу воскресают образы длиннобородых, расудявлено-суровых предков, мне хочется назвать горододелами смысленниками всех молодых, увлекающихся ребят из ГИПРОГОРА. Это они и сотни других переименовуют карты нашей Родины, делают наши города красивыми, современными.

Архитекторы В. Воробий, Ю. Буляев и Е. Киселев разработали оригинальный проект города Владимира. Они решили не только сохранить, но и подчеркнуть уникальные архитектурные памятники Владимира — Суздальского кремля, органично вписать их в современные городские районы. Знаменитые «Золотые ворота», Успенский собор, Воскресенская и Георгиевская церкви так удачно сочетаются с многоэтажными зданиями из железобетона, алюминия, стекла, что еще ярче вырываются вперед своими красками. Большой тургистерский центр примет тысячи посетителей старины. Но Владимир не станет городом-музеем, он будет самым современным городом с крупными заводами, политехническим институтом, в котором будет учиться около двадцати тысяч студентов, со своим оригинальным обликом. Это проект утвержден. А сегодня молодые архитекторы работают над реконструкцией уникального русского городища — Звездного Суздаля. Каким он будет, архитекторы ГИПРОГОРА решат вместе с историками, философами, архитекторами, реставраторами, писателями...

Тридцать шесть лет назад в ГИПРОГОРЕ получил путевку в жизнь первый генеральный план нового города. За эти годы в разных концах страны выросли десятки городов, «законченных» в институт. Это значит, где-то открыты заводы, поехали ископаемые, строятся заводы, осваиваются неobjятые земли. Сейчас институт разрабатывает генеральные планы городов промышленных районов Сибири. Максимум высылает заказы по реконструкции старых. Ежегодно в стенах ГИПРОГОРА идет непрерывная работа над 120 проектами. В пятидесятых рождается завтрашний день наших городов. Недаром «проект» означает «бросок вперед».

В. БОЧАРОВА

Валентин РАСПУТИН

Я ЗАБЫЛ КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ...

РАССКАЗ

Мне вошли в город уже утром. Он стоял спяконый и выспавшийся, но мы уже ничего не замечали, ничего не слышали и не чувствовали. Мы шли поскоро дорожки, и нас обгоняли машины, но сигналы, не требуя мотористов. На нас оборачивались люди и, оставившись, провожали нас долгими и внимательными взглядами; они поглядывали у человека при встрече с неспешным. Носовики уже не казались тяжелыми; спать не хотелось, усталости не было, было лишь тяжелое равнодушие, которое подталкило себе свое наши мысли и чувства.

Мы не знали, где в городе больница, но мы и не спрашивали о ней. В таких случаях больница сама должна выйти навстречу человеку. Мы не торопились. Было поздно торопиться, и у нас не было сил: все убила дорога, длинная и холодная, и то, что случалось в дороге.

Еще год назад мне нередко снились сны, странные, как несчастья. Когда я просыпался и находил себя полым и неведимым, я по странной привычке выгибал перед собой руки и начинал сжимать и разжимать кулаки, словно благодарил таким образом свою судьбу за то, что со мной ничего не случилось. Выть может, в это время сон, только сплывшим затонувшийся, потому что я никогда еще так не устал. «Будь это сон», — ронял я, — «ни за что никогда не вспомню то, что произошло за последние сутки».

Но я все это помню. Вера тоже было утро, светлое и прозрачное, как одно ярко освещенной комнате, когда на него смотрели из комнаты. К восьми часам мы подошли к тому месту, где обрывалась лента дороги, которую мы вели, и устали на жесткую траву, сторубящуюся в ожидании сна.

— Кому ты вчера писал письмо, Ленка? — спросил Андрей.

— Матери.

— А Ленка?

— Она еще не ответила...

Это случилось примерно через час после того, как мы начали работу. Я стоял в стороне и все видел. Сила была очень высокая. Все время пока она вырвалась в нас, она дрожала мелкой, болязненной дрожью, потом смирлась, успокоилась, слегка покончила своей зеленой острополюхой шапкой и тут сторону, куда не хотелось поглядеть, и вдруг, будто спущенная пружина, рванулась вперед, туда, где Ленка вырубил кустарник. У кого-то из пыльников вырвался — и слышал это — короткий и сильный, как удар боксера, крик. Земля глухо ойкнула и сразу же замерла, будто пригвожден-

Этот рассказ принадлежит перу известного журналиста Валентина Распутина, участника семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, проведенного осенью прошлого года в Чите ЦК ВЛКСМ и СП РСФСР.

нился к новому удару. Ленин не было. Я подпрыгнул и увидел, как он вскочил с земли, но к нему со всех сторон уже бежали люди.

Ленка стоял перед нами, тихо улыбаясь, смущенный тем, что из-за него все поубрались работу.

— Пустили, — забормотал он, виновато краснея, — вотная задло. Пустили. Вы не беспокойтесь. Я не знаю, почему устал, наверное, от страха. А так не было.

И все сразу зашумелись и заговорили все, кроме мастера, который выругался сочным, как луковичный, ругательством и пригрозил вместо того надорвать нас правыми но по технике безопасности.

Через десять минут мы все разошлись по своим местам, а еще через полчаса ко мне подошел Андрей и сказал, что с Ленкой что-то случилось. Ленка сидел на той самой сесте, которая была его с ног, и, задрал рубашку, смотрел, как сиял круг медленно, словно чернильное пятно по белой скатерти, расплывается по его животу.

— Что, Ленка? — спросил я и почувствовал, как на меня навалилось ощущение беды.

— Ничего, ребята, ничего... — У него был вид мальчишеский, вернувшегося домой с разваленой рубашкой после драки. — Ничего невозможно, но до беда пройдет. Честное слово, я знаю, у меня было так. Это не опасно. Вы идите, а я посижу чуть-чуть и буду помогать мам. Идите, ребята, идите.

Мы пошли к мастеру. Тот наступался и вплотную привалил одну и другую губу. Он молчал минутки две, потом сказал, что до больницы надо ехать километров, а трактор все равно должен работать, если бы свалилась даже половина бригады.

Андрей рассердился.

— Мы все трое из одной школы, — сказал он по очному месту, но мастер понял его и, кажется, даже обиделся тому, что выход найден.

— Вот вы и пойдите. Возьмите с собой плащ-палатку и тонор.

Мы уходили, когда солнце заблуждало уже высоко и грело носом. Ленка долго не хотел идти и слышать о больнице, пока Андрей не прикрикнул на него и не сказал, что здесь с ним придется возиться всей бригаде, а работа будет стоять. Этого Ленка не мог перенести: он всегда боялся быть для кого-нибудь помехой или обузой. Но ему как будто и в самом деле стало лучше, и он без видимого труда шел рядом с нами.

На тридцать километров растянулся это до-

рога. Два с половиной месяца тащили мы ее на себе, с трудом поднимая в горах и так же с трудом спуская вниз, в сарость эхов и комочек. Теперь тридцать километров нам предстояло пройти сразу, единым махом, чтобы выбраться на другую, ровную и твердую дорогу, по которой до больницы было еще около двадцати километров.

Сначала мы шли молча. Я прислушивался к лесным звукам. Ленка, наверное, думал о Ленке или о себе за то, что пришлось бросить работу, а Андрей... Я не знал, о чем думал Андрей, он всегда был со мной поближе нам, хотя мы и считались друзьями. Он любил то, что не любил другие, и он думал и говорил о том, о чем, казалось, никак нельзя было в эту минуту думать или говорить. Мы знали, что это идет у него носом не от желания казаться оригинальным и непохожим на других, а оттого, что он такой и есть. И на этот раз он тоже испугал нас молчаливой фразой, которую мы с Ленкой совсем не знали.

— Будем считать, что коммунизму не повезло, — неожиданно сказал он. — Сегодня один из его строителей потерял аварию. М-да. — Он засмеялся и повернулся к нам свое лицо с прищуренными глазами.

Я видел, что это хитрая затравка к старому, еще нольному спору, который мы не трогали с тех пор, как приехали сюда, но Ленка, видимо, этого не понял.

— Пустяки, — виновато сказал он, употребив свое любимое словечко, которое у него всегда звучало как «простите». — Один человек ничего не значит.

— Как не значит?! — обрадовался Андрей. — Граждане! Немедленно вводите поправки в свои мысли. Коммунизм запаздывает. Сбивая скорость, углубляет граждан. Сегодня на голову одного из его лучших строителей свалилось дерево. Здоровье пострадавшего пока вне опасности, но бесплатная выдача продуктов и товаров широкого потребления из магазинов задержится.

— Ну что ты говоришь? — Ленка сморщилась не то от раздражения, не то от боли. — Коммунизм — это тебе не автолавка с бесплатными товарами, которая в один прекрасный день повезет все, что тебе надо для жизни. К коммунизму надо еще идти и идти. Не одну пару сапог сплести.

— И ты надеешься дойти?

— А почему бы и нет?

— Ребенок ты. Как ты понять не можешь, что все это далеко-далеко, вот как солнце в пасмурную погоду — где-то есть, а не видно. Это тебе не поездом в Кубань в Сибирь приехать.

— Я знаю. Только ты-то зачем сюда едешь, если не веришь в это? Оставался бы себе дома, поступал в институт...

— Видишь ли, мы с тобой говорили на разных языках. Для тебя дорога, которую мы идем — это дорога к коммунизму, никак не ближе, а для меня она то, через что надо пройти, чтобы стать человеком. Я хочу быть сильным, крепким человеком. На Северный полюс меня не возьмут, вот я и иду к солнцу, где тепло, где тебе на голову может свалиться леснина, где люди живут в палатках, кормят комаров и всякую другую таежную гадость. Если я пройду через это и выдержу, а потом еще пройду через две-три таких же дороги, а слугу потом укажут себя. Понятно тебе?

Ленка что-то хотел ответить Андрею, но не успел. Он шурт сразу, в одно мгновение, заложился как-то странно и втянул язык подбородком, чтобы не задрожать. Это было то же самое, как если бы человеку возникла мысль в синюю ту мишину, когда он мечтал о чем-то светлом и красивом. Липо у человека еще улыбаются, а сам он уже скорчился от боли. Я подхватил Ленку и осторожно опустил его на землю. Он выгнувшись во всю длину и стал судорожно, обеими руками разглагольствовать, быстро во всю во всю ладонями впад и вперед. Я сбросил его на землю и подхватил Ленку. Он был сплюснутый синевы только кое-где виднелись островки белой кожи, да и то они заметно темнели. Будто подмытые водой.

Торчит — выдохнул наконец Ленка, быстро, как ошпаренный слом. Он заметно похолодел и добавил с выражением члена, почти вскрикнув, но сквозь зубы: — Ух, до чего здорово горя-и-и!

Рисунок В. ЮДИНА

Андрей молчал. Он, как и я, тоже испугался, и мы понимали, что теперь нам будет не до споров, что у Ленки что-то странное, а что — мы не знали. Мы только видели синеву на его животе, и мы только понимали, что ему как можно скорее нужен врач.

Через полчаса на нас снова двинулась дорога. Она не торопилась вести себя метрам, и мы, шагая по ней, зашли и нервно. Андрей шел вперед, и следы Ленки мы несли на носках, сделанных из плащпалатки и двух палок. Он тажед дышал, как дышит человек, который вернулся с мороза в жарко итаонленную

комнату. Одна нога у него была заброшена за палатку, а другой он настойчиво пытался достать землю, но это ему не удавалось, и ноги как мятятся, качалась на весу.

Мы не виноваты в том, что с Ленкой случилось несчастье, но мы ничем не могли ему помочь, и это нас больше всего удручало. Мы сделали: ему плохо, очень плохо. Мы знали: это страшно, это игра в прятки со смертью, когда идешь смерть и нет ни одного надежного места, куда можно было бы спрятаться от нее. Вернее, такое место есть — это больница, но до нее далеко, еще очень далеко!..

Мы все шли и шли по нашей дороге — десятки, сотни и тысячи метров вперед. Мы далеко ушли, но страх заставил нас. Мы успели только глянуть назад и вперед. Я видел только, как качается Ленкина нога, я видел перед собой сына Андрея и деревья, высывающиеся из-за нее, видел, как катится под меня дорога, это было глупо, это было зрелище, но не меня, тем, что происходило на сцене, все остальное было зрелищем злого, темным и немой, как пустынная ночь.

Я в самом деле, ребята, не смог бы больше писать, — несказанный снах. Ленка слабым, будто подлинным голосом, и я увидел его открытые глаза, которыми он пытался улыбнуться.

— Голос! — потребовал Андрей.
— Нет, давайте лучше говорить, — попросил Ленка. — Ты говори, Андрей, и ты, Витка, тоже говори. О чем угодно, но говорить, пожалуйста. Так же лучше. Давайте дальше о коммунизме. Ты не прав, Андрей, честное слово, не прав. Это не так далеко, как ты думаешь. Это ближе. И ты вернись в это, я все знаю, что вернись. А награждать себя. Ну, снах, вернись назад!

— Верно, — нехотя согласился Андрей. — Но все равно это очень далеко. Глупо было бы совсем не верить. Это как дерево: пока еще мало, но оно обязательно вырастет в громаду. Только за нас нужен особый уход... Надо, чтобы каждый ухаживал. А у нас не все любит работать и не у всех души греть могут.

— Но ведь таких меньше, — возразил я.
— Не так уж и мало. В том-то и дело, что есть. Врать хотя бы нашего мастера. Он того, если говорить откровенно, пользы для этой деревни в десять раз больше, чем от тебя, от меня и от Ленки, вместе взятых. Он сложил в нас, мы мальчишки, школьников. Но не дал же этот мастер трактор сегодня, чтобы увести Ленку. У него план, а человек хоть подымай. Вот так! А то, что от меня снах свиной коммунизму пошел, он не так, что не пошел бы и к нам.

— Ребята, положите меня, — попросил я уду Ленка, отгваивая себя подобрало.
И снова мы стояли и смотрели, как он входит по дорожке, будто раскрасившись в громаду. Ленкин язык от боли покрывался потом, но он не кричал, не метался, а только часто дышало, отчего тряслось все его тело.

Когда больше уткнул, мы опять встали за носилок, только теперь вперед шли я.

— Говорите, ребята, говорите, — долетает до меня шепот Ленки, и я слышу за спиной его упавшее дыхание. — Говори, Андрей, ты хорошо говоришь. Только не надо так злы. Ты говорил со злостью. Не надо злиться, Ну, Андрей.

Андрей молчит. Я понимаю его: трудно в такую минуту говорить, особенно когда прсят о нем — я, а он; поэтому лучше закрывать на уши в слова голубой бейки и бешать, пока не вымьются из сна и не уйдут.

— Андрей! — зовет Ленка.
Андрей молчит.

Тогда начинаю говорить. Я и пытаюсь в порядке, что мне приходится делать. Но мне легче: я не вижу ни Андрея, ни Ленки. Мне в тысячу раз легче, чем Андрею, потому что я не вижу Ленку. Я иду вперед.

Коммунизм! — говорю я. — Конечно, будет коммунизм. — Я даже пытаюсь повторить сплоскую, чтобы поддержать себя. — Исно, будет. Только мне вот не непонятно. Вот когда ставят новый завод, на его здания записывают имена лучших строителей. Электростанция и электростанция. А как быть, когда люди строят коммунизм? Ведь это только так в газетах пишут — светлое здание коммунизма, а здания-то никакого не будет. Куда люди будут выписывать имена лучших строителей коммунизма? Как ты думаешь, Ленка?

— Чулак, — шепчет он, и я невольно упорчаваю шаг, чтобы услышать его. — Все тут очень просто. Ведь строится заводом и электростанция — это и есть строителя коммунизма. За чем им еще ставить памятки и записывать их имена на какую-то другую стену?

Я молчу. Я все это искренно знаю, мне совсем не хочется, чтобы кто-нибудь говорил о коммунизме. Мне просто нужно было слышать Ленку, чтобы узнать по его голосу, как он себя чувствует.

— Ребята!
Мы опускаем носилки. И опять все то же, но

с каждым разом это выжужденный отмах становится все длинней и длинней. Потом снова идет Андрей вперед. И снова об этом. И мы говорим. О том, что зря люди стыдятся метаться о коммунизме, о том, что надо быть всеюго, кто хлещает по этому поводу.

— Ребята, — говорю я, — вы же знаете, о чем я говорю. О том, что зря люди стыдятся метаться о коммунизме, о том, что надо быть всеюго, кто хлещает по этому поводу.

Солнце ушло. Не в силах помочь нам, оно ушло за лес. День — за ним и, словно свернувшись шариком, укатился. Его верши кончились. Наступила темнота. Деревья тесно прижались друг к другу. Небо как залитый черным гудроном звездами. Небо было чистое, звездам ничем было закрыться от нас, и они, являющиеся без конца смотреть на то, как мучается Ленка, дрожали.

Ленка метался, бредил.

— Хватит! — кричал он. — Хватит! Отстаньте кистер! Палатка спит, отстаньте кистер! Жарко! Идмты! Зо-э!

Его руки ползали по животу, а ноги, свесившись, забрели в воздух. Я шел опять ногой, и мне было труднее, чем Андрею.

Потом Ленка умолял, но через несколько минут заговаривал снова, и его голос теперь звучал сплоской и ласково.

— Это ничего, — говорил он. — Это пустяки. Ты нашиня, я жду и жду. Тыше. Я хочу поговорить с ней. Тыше, я нас прошу. Я не видел, что оно падает. Неужели ты в самом деле не слышишь? Слышишь? Странно. Я говорю, а ты не слышишь. И тоже не слышал. Если бы я слышал... Я не слышал? Слышишь? Вот теперь слышишь, да?

А мы шли и шли. Почь лежала на земле совсем темным одеялом. Мы запутались в нем. Мы устали, но молчали. Но Ленка не замолчала. Никогда еще он не говорил так много. Он то кричал, когда боль хватала его за горло, то перекроил на шепот. Он разговаривал с а матерью, и с Леникой, и с мамой. Когда он разговаривал с мамой, мы все равно молчали. Хотелось отвечать ему, но мы знали, что он не услышит.

Потом понаказала река, и мы свернули на четвертую дорожку. Оставались еще двадцать километров. Мы шли молчаливо. Мы думали, как стух его шепот. Мы думали, что ему стало легче. Дорога рвалась то в одну, то в другую сторону, но мы находили ее. Я устал. Я здорово устал. «Неужели ты не слышишь еще один шаг», — думал я, — и еще один?». И я выбрасывал вперед одну ногу, потом другую. Одну и другую.

Ленка молчала.

Вдруг она стала странно. Мы остановились и положили носилки на землю. Андрей взял Ленку за руку. Он держал ее и смотрел на меня. Ленка не двигалась. Я не поверил. «Не может быть! Он просто спит. Я и медленно опустил перед Ленкой и нес его за вторую ногу. Она была послушной и мягкой, и гула молчала.

Мы поднялись одновременно. Мы не кричали и не плакали. Мы стояли караялом с обеих сторон носилок молчаливо. Я смотрел в одну сторону, где снал гору, и думал о том, что сегодня нам придется отпирать Ленкину материю телеграмму, которая сразу, одним ударом съобдет ее в мог, а через несколько дней придет извещение от Ленки. И она много раз будет приниматься за него, прежде чем дойдет до конца.

Я помню все, помню до боли ясно и точно, все, даже мелкие подробности, но я не помню сейчас, кто из нас первым сел рядом с Ленкой. Мы устали. Мы сидели на земле, а между нами лежала Ленка.

Рядом всхлимывала река.

Потом стало холодно, и я растолкал Андрея. Мы берем Ленку, и я говорю не слова, подлага носилки и ноши. Вперед Андрей, позад я. Светало. Я неожиданно вспомнил о том, что забыл спросить Ленку о самом главном. Я не спросил его, будут ли звать при коммунизме о тех, кто не писал ни на земле, ни на зданиях завод и электростанций, кто так наведал и остался незаметным. Я мне очень хотелось узнать, вспомнят ли при коммунизме о Ленке, который был на свете некогда, но больше семидесяти лет и строил его всего для с половинной миссии.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЭТОМ

«Я родился на Урале», — пишет Екатерина Чалка. Не родился ли «ураган» — как тогда. Потом она жила еще в Сибиря, на Урале. Сейчас живет в Москве, работает машинисткой и заканчивает вечернюю школу. И ей семнадцать лет. Из словесного поэту, она мыслит поэтически:

И ничего не утлю.
Вам правду, открыл дверь, открыл.
Лучше ее строки привлекают основным поэтическим качеством — естественностью. Екатерина Чалка владеет и некоторыми профессиональными, техническими, что ли, сведениями — современной рифмой и прочее. Обязательно нужно это знать, чтобы не было, а тогда можно уже позволить себе эти не пользоваться.

В стихах Чалки чувствуется влияние древних поэтов, но это влияние совершенно закономерное: ничто не рождается на пустом месте.

Екатерина Чалка еще не печаталась. Собираясь впервые встретиться с ней. Я надеемся, что не мне станет для вас привычным. Это — самое начало пути. Теперь все или почти все зависит от нас самой. Помогите ей удачи.

Константин ВАНШЕННИН

Екатерина ЧАЛКА

Я боском бегу по лужам,
как жарко, пыле на ветру.
Мне этот дождик так же нужен,
как пахне в силную жару.
Он, словно дул в весенней бане,
сбивает грязь... сбивает пыль
и пересохшим губам
что шепестит сухой комвль.
И так торжественно и тихо
вступает дождик в хаотичный лес.
Почу слышу, что слышу
под ель, как будто под навес.
Он прячется от капель трудно.
Он прозрачен, словно см...
А дождь на стружку
играет песенку весны!

Как интересно быть
мальчишкой —
все сразу проще в сотню раз...
Я по заборах, как маршакши,
все вижу... и подбит мой глаз...
Я с первой трудовой получил
Иду не коде — живу лишь
Я все опасаю, не забуду
готова по кино выйти
пошь в буфете лимонадом,
мороженное покушать.
За это получить награду:
два доку моча провонать.
Бренчать в кирмане мелочливой
и слушать свой солидный бас...
Ах, почему я не мальчишка!
Все было б проще в сотню раз...

Омневающие пороги
раздвинули Бинты,
Омневающие народы
на нас глядят из глубины.
Смотрю в круговорот столетий,
грозил история гранит.
А на сие море, столетия
искомому лалчальном грозит.
Век страшный тот, как зверь,
подравен.

О человек, как был ты слеп!
И каменным топорам
в историю врезал след.
Дрожу, как созревшая ветка.
В руке зарытый кирндаш.
Омневающие наши предков
вплелся в характер твердый наш.

ДОЖДИК

МАЛЬЧИШКА

КАМЕННЫЙ ВЕК

Татьяна ОШАНИНА

ЗАЧЕМ Я В ШКОЛЕ?

ПОПРОБУИ ЖИТЬ БЕЗ ИСКУССТВА

"ЛЕГКАЯ" ПЯТЕРКА

ЖКЛУ ОТВЕТА

В окне шлово сонн-
зьяну и литература. Я поворачиваю почти детское настроение. Я нашла, придумала, гаптер я знаю, как объяснить реб-
бам, что такое искусство. С-
егодня они поймут, почему это уже более ста тридцати лет женщины подозревают трут глаза, читая строн, легкие и понятные, почти-
воляется мальчишка, открыва-
ет новую мудрость пятнадцатилет-
него человека.

Что тут вечное! Сюжет! Символ! Он не любит, она любит, потом ей нет пути назад, а он, повторный, танец к своему единственному и уже не может обрести. Он научился любить.

...Ерунда. Дело не в сюжете. Я нашла больше. Я сейчас приду и все объясню им, объясню то, что мудро послал нам из XIX века Пушкин — каким надо быть. Объясню.

Школа. Ступеньки. Наконец знон-
Я смотрю на рожцы моих ребят. Я высказываю лица, которые я начну говорить, глаза, которые захотят увидеть то, что вижу я... Один глаза. Они еще в чем-то своем, от меня далеком. Я —
мимо. Другое глазо. Холодные, спокойные. Им плевать, есть ли я, Онегин, или нет. А эти! Нет, эти похоронят, примут все, что скажу. Примут. А я и жму, чтоб сначала засномивался, чтоб сначала прила-
дил к себе, а потом...

Шлово сонн-зьяну. Оно поможет. То, что я придумала, должно быть при солнце — союзнике.
Нашла глаза: порывистые, сме-
лые, и мальчишка губастый, значи-
т, добрый.
— Слушайте!

И, как из другого мира, кто-то от окна:
— Смотри, другое солнце! Сейчас бы в футбол...

И, подвигая это настроение, вскакивает мой губастый, глазастый, которому я уже сказала свое «слушайте».

Пожаулуста, не обижайтесь. Вы просят, чтоб все прямо вам говорить. Ответьте на вопрос: зачем нам литература? В физико-математической школе!

И рядом вскакивает второй человек — ершистый, умница. И мальчишка, перебивая друг друга, волнуясь, искренне объясняют мне полную неужность моего предмета. И я верю им, верю, что они не рисуются, они решают до ночи словенные задачи, они сидят над теорией, они просто не понимают, что им нужно от Онегина, зачем он, зачем Пушкин, зачем он писал о кеплях, о том, зачем стихи «Идеалу»... Это все устereo, а им сейчас, молодым, увлеченным, нужны приборы, изобре-
тательный инж, нужны послушные цифры и понятные им отвлеченные величины.

На секунду, на одну секунду все, что я придумала, отожью углубу. Я вдруг поверю им, живым, сидящим передо мной, что создать нужную машину или формулу важнее, чем прочитать «Евге-
ния Онегина».

— Согласна. Пусть так. Давайте договоримся, ребята. Я выставлю

вам тройки в году: по русскому языку и литературе. Я поворачиваю вам... Но... Так на так. Мои условия...

С этого дня вы не ходите на мои уроки, ни на один, никогда. Это раз.

Не читайте ни одной книги. Никакой. Это два.

Не смотрите по телевидению ничего, кроме футбола. Это три. Не ходите на выставки, а театры, в кино. Это четыре.

Если гда-то услышите песню, стихотворение, бегите от этого места. Ни одной песни. Это пять...

Вот мои условия. Через год поговорю. Но за этот год ни одного встречи со мной, ни одного разгово-
ра. Сможете без искусства, без разговоров об искусстве?

Я задыхаюсь, будто бегу. Оста-
новилась с рзмышью... И заглянула в их лица.

Класс напряженно молчит. Класс понял, что это серьезно. Я не знаю, на чьей стороне класс. Я вижу только два лица. И слышу как из другого мира:

— Нам мало тройки.
— Это о чем они? Это всерьез? Или шуточки?

— Конечно, поставлю четвире. Пусть бутфасоры. Согласны!

...Впервые за восемь лет работы я начала решать для себя задачу: а правда, зачем я в школе? Зачем я заглядываю ребятам в лица? Зачем читаю им Пушкина!

Рассказываю о Гоголе!
Зачем! И вспоминаю и собираю по одному их аргументы, их мысли, вышопенные и серьезные, их возрежения.

Гораздо важнее постронть людям дом.

— Вылечить человека.
— Решить трудную задачу.
И тут же кто-то в ответ:

— Ну, хорошо, человек построн-
ит дом, а нам поселится кто-то. У него теперь удобная квартира, горячая вода и балкон. Он спит в светлой комнате и варит еду, приготавливаюю с своей кухни. Он хоро-
шо ест. Если он заболел, вызыва-
ет врача...

И, зашепав, как и я, что-то по-
няв себе, мальчишка почти кричит:
— А зачем, зачем! Значит, все кончается удобным домом! А что ему делать в этом доме! Отда-
ть! Допустим, он физик или ма-
тематик. Его жизнь заключена в цифры и приборы. Он сидит че-
тыре дня в лаборатории и созда-
ет, ну пусть новый тип радиопри-
емника.

А зачем! Для чего! Для чего? Что за паренек! А я его раньше не замечала. Он сопириснулся с моим сокровенным.

Для человека. Для того, чтоб человеку было лучше.

Что же первое, главное? Человек.

Чтоб человеку было удобно жить, ему постронть дом.

Чтоб человек был сильным и деятельным, чтоб он жил, врач его вылечивает.

Чтоб человек не скучал дома, чтоб он был, ему сдавали приемник, телевизор... Все верно. Но мелко.

А зачем! Что мы хотим от че-
ловека? И зачем в школе я и мои коллеги! Для чего мы в школе! Чтоб решать задачи! Только! И я бросаюсь к ребятам, в их души, в их неустрашимые головы:

— Чем ты хочешь быть?

— Не знаю. Наверное, инженером.

— Зачем! Почему инженером? Я придумала, как принести работам Онегина. Как понять, зачем нам Онегин! Зачем!

— Подожди, каким ты хочешь быть, каким человеком?

— Человечком!

И рынеглазый мальчишка или расстрепанная смешливая девчонка торчат на меня удивленными глазами.

Где же эта граница: мог и душой! Кто ценнее: хороший инженер или хороший человек! И что значи-
т быть хорошим человеком!

Я придумала, как принести работам Онегина. Как понять, зачем нам Онегин! Зачем!

— Подожди. Когда-то после войны и жму, чтоб поступали женщины. Она была в пальто и на руках у нее был ребенок. Мальчишка, завернутый во что-то непонятое. Худое, почти черное лицо женщины. Но затопила я руку мальчишка, его пальцы — просто косточки, прикрытые прозрачной кожей, как чешульчником...

Мальчишка молчала, а по цвем медленно, видно, прыгнуло, по протертому уже тропинкам-морщинам ползла слеза.

И она стала со-
вать женщине картофелины, куски хлеба, сахара — все, купленное всей семье на сегодня, какие-то старые свои и мои рубашки... И бросила мне:

— Неси ботинки, быстро. Я испуганно стала возле жен-
щины, и мне было жалко отдавать ботинки, мне было жалко мальчишка, которому, наверное, было лет шесть, а он не мог ходить и как-то обивал своим телом мать.

Мне было семь лет. И в тот день у меня была радость. Пер-
вый раз я увидела красивые бо-
тинки. Мама купила. Купить было трудно, мама выстояла длинную очередь. И я все носила в руках эти ботинки, любовалась ими, как куклой. Или ставила их на стол, сама отходила в сторону и все смотрела...

— Мама!

И вдруг мама рассердилась. Она взяла меня за руку, повела в комна-
ту и все больнее сжимала мою руку.

— Я куплю еще. У тебя есть старшие. Ты же видишь. Ты же больна. Ты же всегда была доб-
рая. Отдай.

Мне понравилась, что я была добрая и мне было жалко маленького тихого прозрачного мальчишка, который не мог держать голову. Я помесла ботинки... Мама. Моя мама.

А Онегин при чем! Онегин! По-
дожди. Он убил Ленского. Убил. Просто убил человека. Только что молодой, только что любящий, восторженный — и теперь мэртв.

За что его убил Онегин! Нарочно! Врага убил!

От равновесия к людям, от того, что просто про было походу на дуэль, чем не пойти, пробыло подняв пистолет и выстрелить, чем бросить его в снег и шагнуть к другу.

От равновесия к людям. От пристального внимания к себе. От стыда. От лжи. От того, что знало только одно яв — свое.

Губастый мальчишка прямо, серьезно смотрит на меня. Он не шутит, он честен со мною, он хорошо ко мне относится, он верит мне. Но... не может принять мои убеждения.

— Слава, понимаешь...

Идут секунды. Я думаю, что скажи. И опять встают прошлые слова, прошлые мои доводы, слышны чьи-то далекие голоса. И в эти секунды пытаюсь найти единственные слова... Я вспоминаю сцену с Печориным — после дуэли, слышны чьи-то сцены ребятами.

Печорины любят Веру и мнитса к ней. Из-за нее он заигнан коим, из-за нее он впадает на землю, и бьется запуганной горной головой, и плачет. Гордый, холодный, застенчивый всегда на все губовичи. Пленит!

Тема сомнения была: «Любит ли Печорин Веру? Любит, но нет, понимали ребята».

А мне хотелось кинуться к ним, обхватить, завернуть...

— Неужели вы не видите, неужели вы не понимаете? Не за Верой мнитса Печорин. Убегают от себя, от своего одиночества, оттого, что хотел быть один, оттого, что не умел быть с кем-то. От своей тоски и невозможности больше быть одному с самим собой.

И мне хотелось сказать им всем, ребятам и Славе:

«Понимашь, Слава. И если с тобой только твою «я», только единственное «я». Понимашь, он тяжело трудно в одиночку, он так хочется к кому-то, чтоб поговорить, поделиться, просто радостно пройти, когда трудно и хорошо. Значит, человек не должен в одиночку. Нужно свое «я» жить во время покусываться рядом с другими «я», такие же запуганными и живыми, такими же тревожными, как твои».

Даже тот человек, который привык только к цифрам, только к счету, может быть хорошим инженером. И често больше, чем цифры. Понимашь, мальчик, человек, другого «я», другой мир.

Можно быть хорошим инженером. Но инженер, математик — это нейтрально. Инженер хороший может работать для людей, может — против. Значит, кроме того, что он инженер, надо, чтоб он был человеком, чтобы он работал для людей.

Значит, самое главное — все-таки человек. Но ведь на первый дотронуется до твоей руки, когда у тебя пометает от горя в глазах. И не каждый просто улыбнется тебе в уставах твоей души...

А литература? Наши уроки. Ты любишь.

— Для чего литература нам с тобой? Для чего Онегин нам с тобой? Онегин жив по законам равновесия, эгоизма, по законам своего «я». И только. И не умел власти собой, и полагаться на других его. А как наказанию, возмездие, к человеку пришло одиночество. Понимашь? К нему оно пришло. А мы с тобой?

Начинается все с человека. И удобства, избранные людьми, — для человека, и цифры в конечном итоге для него...

Значит, самое главное в жизни — быть человеком. Чтоб что-то сделать для другого, чтоб со справедливости, со спокойной совестью принять сделанное для тебя другим.

Я хочу попытаться помочь мальчишке и девонке стать Человеком. А как стать Человеком? И при чем здесь литература? И зачем Пушкини и Маяковские?

Мне не нужны точные даты, когда, в каком году писатель написал «каззены» или «Щирцы». Это область любознательности, пахити, лавханских знаний. Мне нужно знать, почему Толстой написал «каззены», в это время метался в его душе и горе, то есть как росла, как менялась как улучшалась мысль и душа Толстого. И возможно ли вообще, чтоб душа человека менялась и становилась лучше, можно ли управлять своей душой?

Девонки все поголовно влюблены в Андрея Болконского. Пьер — юрчик, Пьер — милый, Пьер — страшный добрый, а значит, с Пьером неинтересно. Влюблены в Андрея. За что Вячеслав он холодный, вначале он жесткий. И только ранней, упав на спину и увидев ядром небо, он начинает видеть других. Когда к нему прикоснулись боль, страдание, страх, он подумал о других — о жене, о своей вине перед нею, о своей ответственности перед ней. И он повернул что-то в своей душе, он повернул от своего «я» к другим людям. Сам поговори.

И потому что к нему пришло ЭТО, умение увидеть других, он гораздо позже, пережив еще боль, сумел свою жесткость, свою холодность, свою сдержанность отменить, чтоб шагнуть навстречу тоненькой девонке, которая ядром зашевелилась так близко от него, пронула своей широким его нобелевские и отдавая ему, что переполняло ее, — умение, зазлывшаяся жить и развиваться, умение вот так все лично увидеть, умение дотронуться до боли, снять ее, а не усе-губить. И Андрей, сначала замурчавшись, не веря, потом глядя в ее жаждущие счастья глаза, паре-сала быть одиноким, он научился управлять своей душой, раскрыл ее, одобрив ее, огляив ее. Он, Андрей, когда любил, был чуждым, чувствовал, как освобождение, подступалые слезы.

Именно за это все девонки поголовно влюблены в Андрея. А вот душа старшего парня? Сегодня, сейчас с чего начинать ему?

И в «Онегине» мне совсем не нужна жила помещного и степенного дворянства, вернее, нужна постольку поскольку, потому что эта область истории, скорее область системы другой науки — науки об обществе, связанной с мой наукой, но другими задачами...

Почему Онегин смог полюбить? Понимашь, любовь. Он ядром перестал видеть только себе. Люсье бессмысленной смерти Ленского, после скитаний, однажды увидел другого «я». Увидел, что и другие страдают. И другие думают. И другие падают в снег. А глядясь пристально в других, он перестал видеть только себе.

Подожди, Слава. Вспомни. Маленькая деталь. Сидит девонка. Чистенькая, тихая. Она отличница. Ты мечаешься, агитируешь ребят, хочешь устроить вечер, чтоб был КВН, чтоб потанцевать, чтоб были песни, как откровение. А она пришла забавлять, только учиться. Ей не нужны эти песни. Понимашь? Маленькая деталь. Ей нужно поступить в институт, только поступить. Это звание, начало равновесия. А потом у нее заболела мама. Мама, и она ушла в библиотеку. Потому что мама стонала — она заболела тяжело, в комнате одне, а завтра контрольная по геометрии.

При чем тут Онегин? Не правда ли Вон она сидит. О ней я говорил. Да. Сейчас тебе врать. Другие люди, да! Но люди и тогда и теперь расщепляются за равновесие. Онегин не был счастливым. Дурочка, она — счастливая, скромная — не понимает, что, окончив школу и институт с отличием, устроившись в лабораторию, получая хорошую зарплату... Она — ницца! Понимашь, Слава!

А мы с тобой? А наше равновесие и эгоизм? Не в такой степени. У нас они есть! И то же нам делают с нами! И не ломается ли нам с тобой умерший, живущий Евгений Онегин?

И день за днем, урок за уроком я хочу понять писателя и поэтов и думать до своих учеников, одно: как делать человеческую душу. Как из себя сделать Человека, как искать свой путь, как вырастить в себе полноту личности, умение уборого и великого эгоизма? И как правильно прочитать то, о чем хочет сказать писатель, о чем увидать его главное, как привить это себе? Примерить?

— Ты читал Ремарка?

— У, здорово! Как они на маленького гоняют! А люют они как! Все время пишут... Вот мы вчера говорили... Как жаль Я читал Ремарка!

И мне хочется крикнуть. Но уже кто-то кричит:

— Дурал! Это не о машине. Не о том, как люют. О том, как другие, как любить. Ибода, видимо, О человечности. И опять не об этом. О трагедии, об одиночестве в мире. О неуверенности, о неприкаянности, о том, что человек — это с телом и с их человечностью, нукуда деть себя, свою силу, свою душу. Обреченные они в

том мире, обреченные на выгижку, на одиночество. И единственно их спасение, их убежище: дружба, любовь...

Правильно прочитать. Понять. А потом, что-то почитать для себя. Постарайся найти себе место в нашем мире, постарайся соединить голову и сердце, интересную, полную, делательную жизнь и человечность. Жить интересно. Необходимо жить интересно. Что же значит по-настоящему жить интересно?

Вот книга, о которой можно говорить и ночью задыхаться над страницами, смело выразить из настоящего, думать о себе, о других, бороться, волноваться, не спать. И пытаться осознать себя. И ты не думаешь о безразке, и вrade ты ни о чем не думаешь, а просто стремляешься, как-то легко сидываешь с себя годы, свои ошибочные недобрые поступки, своей эгоизм, свою суматоху. И тебе уже кажется, что ты лучше, что ты оинистса.

Стихи, которые ты слышишь, песня, выражающая из твои мысли — они и поднимут тебя, и расгорят, и заставят неоплачуемо, непокладистое горе...

Человек! Это как!

Бороться или примолчать? Мир чужакский, о Серебряков — эгоистичный, мелкого себялюбца. Все жизнь занят только собой. И ему отдали свои жизни, мелкое личное счастье дады Ваня и Соня. Все жизнь они трудились на него. Потому, наконец, что он тоска, и примирились.

Примириться со своими потерянными жизнями? Примириться? Можно ли жить по законам Сони и дады Ваны? Ты хочешь так жить, ты можешь так мнить? Я не хочу жить так, как дады Ваня и Соня. Я не согласна с ними. Я хочу уничтожить Серебрякова, понимашь? И хочу на волю. Чуть бы гордой, чтоб был сильной. И чтоб свою энергию, свою мысль отдать тем, кто поймет ее, тем, кто настоящий.

Итак, что бы гордой, чтоб был щедрым в чувствах, был любознательным и интересным? Надо учиться или это приходит само? И как же так? Стоит передать одному. Один — колочий, губастый, добрый. Другой — совсем еще непонятный. Они отрицают мой мир. Они — физики и математики.

— Не ходите на мои уроки. В году выставило четыре. Согласна? И сейчас неинтересно. Я думаю. Он еще не взорвался. Он разделяется на тридцать восемь миров. И я их уважаю. Каждый. И в каждом мире разная реальность. Я прос, что и для меня: нужно ли значить? И что такое литература — древняя, двенадцатый век. Нас не было. Мы живем сейчас. Мы... Значит, надо. И должна в этом их слить моему.

Я жду от мальчишек ответа, терпеливое жду. Но уже суматох смотрю и в другие явля, которые отражают другие миры. Боюсь их непонимания.

— Поставлю пять. Согласна?

КОГДА МУЖАЮ

Образ юного Владимира Ульянова, жизнь семьи Ульяновых, характеры и судьбы ее представителей не раз привлекали внимание советских кинематографистов. Достаточно назвать такие картины, как «Семья Ульяновых», «Александр Ульянов», «Первая Бастилия». В этих фильмах перед зрителем проходила отдаленная оплота из сложной, трудной и благородной биографии передовой русской семьи. Мы встречались на экране и с Марией Александровной (арт. С. В. Гиацинтова), и с великим революционером Сашией Ульяновой, и с молодым Лениным, но, конечно, сама тема — ее с полным правом можно назвать «ульяновской» — неисчерпаема для поисков и свершений художника. Ведь детство, отрочество, юность Владимира Ильича — эти первые страницы Ленинина — можно пережить и пережить вечно, каждый раз открывая для себя новое и великое, светлое и необходимое.

И вот в канун XXIII съезда нашей партии советские люди вновь встретились со своим любимым, вечно живым героем. Народный артист республики Марк Донской показал свою последнюю работу — фильм «Сердце матери», созданный

на Киностудии имени Горького. Картина, посвященная М. А. Ульяновой, — закономерный этап в творчестве известного советского кинорежиссера. Если мы оглянемся в прошлое, то вспомним, что Марк Семенович Донской свои главные, выстраданные произведения переработал сначала с безмерным образом русской женщины. Бабушка в горьковской кинотрилогии, Ниловна в фильме «Мать», «Сельская учительница», целый ряд интересных героинь в других картинах («Радуга», «Дорогой ценой») и, наконец, Мария Александровна Ульянова в исполнении народной артистки республики Е. Фадеевой. Галерея женских персонажей в кинолентах Донского отличается удивительным разнообразием. Бабушка А. М. Горького — ее роль блистательно воплотила В. О. Массалининова — олицетворение русской природной мудрости и душевности, милости и простоты. И вот Ульянова — Фадеева, женщина высшего интеллекта, натура сдержанная, сложная и в то же время полная внутреннего света материнства. Актриса, прежде чем стать на экране Марией Александровной, пришлось выдержать конкурсы с другими достойными претендентками на эту роль. Но Фадеева, одна из ветеранов театра имени Ленинского комсомола, победила. На мой взгляд, исто-

ки этой победы лежат в работе Фадеевой над ролью Жанны Д'Арк в пьесе Бернара Шоу «Святая Жанна». Казалось бы, что может быть общего между крестьянской девушкой из средневековой, националькой героиней Франции, и женщиной конца XIX века, носительницей своей жизни, воспитанной детей? И все же черты одухотворенности, одержимости, чувства долга и бесстрашия, раскрытые актрисой в образе Жанны, стали внутренним содержанием характера и поступков Марии Александровны в фильме «Сердце матери». И еще — любовь. Строгая, нежная, умная любовь к детям, помогающая матери преодолевать все трудности и трудности на своем жизненном пути. Умирает глава семьи Илья Николаевич (арт. Д. Сагал) — чистейший человек, подвизник российского просвещения. Гибнет на виселице народолюбец Александр, арестован и сослан дочь Анна, умирает от тяжелой болезни Оленька, за участие в студенческих волнениях бросят в тюрьму Владимира... Каким же сильным должно быть сердце женщины, чтобы хранить стойкость и быть готовым к новым отдам, к новым испытаниям!

Особенно запоминаются кадры пребывания Марии Александровны в Петербурге, когда решается

Фильм «Сердце матери». В роли М. А. Ульяновой артистка Е. Фадеева.

Молодой Ленин (артист Р. Нахатов) выступает на суде в защиту трудового люда.

Мать и сын — они всегда были верными друзьями и единомышленниками...

Режиссер Марк Донской и артист Р. Нахатов в перерыве между съемками.

Фото С. ЕРЕМИНА и И. КЛЕВАНОВА

Фильм «Сердце матери» глубоко оптимистичен, и, что важно, он лишен каких-либо признаков сентиментальности. Его лейтмотив — это торжество человеческого, человечности над обреченным миром прошлого.

В финале картины мы видим рядом мать и сына — Марию Александровну и Владимира Ильича. Осень 1893 года. Молодой Ленин переезжает в Петербург, навстречу великим классовым битвам. А мать, по словам В. И. Ленина, «верный единомышленник» своих детей, ставших профессиональными революционерами, всегда будет с ними, даже в разлуке...

В настоящее время съемочный коллектив под руководством М. С. Донского приступил к работе над второй частью кинодилогии — «Подвиг матери» (название условное). Этот фильм охватывает двадцатилетний период, в жизни семьи Ульяновых — вплоть до побед Великого Октября. Именно на таких фильмах, имеющих не только художественное, но и, безусловно, воспитательное значение, должна учиться наша молодежь мужеству, стойкости, верности долгу и высоким идеалам Революции.

К. ЗАМОШКИН

Т СЕРДЦА

судья ее сына Александра. Е. Фадеева блестяще проводит эти сцены: сдержанно, с огромным внутренним напряжением. Пожалуй, только в глазах страдание и надежда.

И не случайно за начальными титрами фильма появляется, словно из тумана, изображение Сакстинской мадони Рафаэля — символ материнств и женской самоотверженности.

В роли Владимира Ульянова дебютирует молодой артист Родион Нахатов. Ему двадцать один год. Родился только что закончил институт кинематографии. По его словам, он с детских лет мечтал стать киноактером. Теперь он сыграл свою первую роль — причем сразу очень ответственную — Владимира Ильича Ленина в период его становления как революционного марксиста. В начале фильма Володя-тринадцатилетнему шестнадцать лет, в конце — двадцать три года. Перед создателями фильма — сценаристами Зоей Воскресенской и Ириной Донской, постановщиком М. Донским и оператором М. Яковичем — стояла трудная, даже домыслившая задача: снять картину так, чтобы сначала внимание зрителя было устремлено главным образом на главную героиню — М. А. Ульянову и на всю семью в целом, позвать атмосферу дружбы, взаимопомощи, участия, царящую

среди Ульяновых. В этих семейных снах Володя еще не должен выдвигаться. Ведь он пока гимназист, средняк по возрасту. Но проходит время, идут годы, и постепенно Володя Ульянов становится Владимиром, Владимиром Ильичем. Позади окончание гимназии с золотой медалью, Казанский университет, студенческие волнения, первый негласный революционный кружок, приставление «вниманье» полиции, сдача экстерном университетского курса, юридическая практика, изучение и овладение марксистской литературой. Владимир Ильич становится широко образованным марксистом-революционером. Артисту Р. Нахатову скучными, но точными штрихами удалось передать мужские характер и формирование взглядов молодого Ленина. В течение фильма постепенно меняется внешний облик Владимира Ильича. Сложнейший грим (этот процесс заняла иногда до 6 часов) позволяла достичь почти идеального портретного сходства.

События в фильме развиваются как летописль. Но в их внешней неторопливости заключен постоянный накал чувств. Некоторая композиционная рыхлость сценария вполне искупается искривленной игрой актеров и графической точностью, подчеркнутой строгостью съемок оператора М. Яковича.

Строка, оборванная пулей...

Михаил Кульчицкий вырос на Героинской улице. Учился в 30-й школе, гадившей о нем на нашу маюру речку.— тогда, до войны, она была еще не мостом. Матьчине написала стихи со строкой: «Я люблю моё рыцаря, город Харьков» Сколько тысяч километров проговорили, проборили, пропели мы между Героинской и Конной площадями.

Он был коренным харьковским жителем. Он стал поэтом assez своей землей.

Большой талант. Единственный друг. Безмерная любовь и отечество. Вот три причины, которые помогли нашему земляку вписаться на Парнас и Зенитовку, и Журавлеву, и площади Дзержинского, и много другое. И мы, товарищи Кульчицкого по кружку поэтов в Харькове во Дворце пионеров, а потом по кружку поэтов в Москве, в совнареде Сельвинского, почти все были в 1919 году рождения. В 1941 году Михаилу и асем нам было 22 года. Рожденные в гражданскую войну, мы стали добровольцами в войне Отечественной.

Недаром товарищи Кульчицкого называют сейчас военным поколением советской поэзии. Память сердца мы помнили о славном 1919 году, отстоявшая родную землю от оккупантов. Сербия, и газеты, и весты, и поблудная наш неизменный опыт подсказывали нам, что война будет снова, что защищать отечество придется нам самим от тех же самых оккупантов, которые агитовали Харьков проволочкой «молочие», как готический шрифт, как писал тогда Михаил. Сейчас имена павших на войне Павла Ивановича, Иолыя Майорова и прошедших мимо Сергея Наровчатова, Давида Самойлова знают все любители поэзии. Тогда это были юнцы, студенты, ученики Сельвинского, умно и твердо муштрованного нас, в это крупное поколение был центральной фигурой.

К нему рано пришла большая и заслуженный успех. В 21—22 года он писал стихи, которые повторяла вся литературная Москва: «Помнишь, с детства рисую: желвавые пути человека сдвигает с мира груда? Только советская страна будет и только советской расы люди».

Он был трушником. С самого раннего детства гулял спиной над стихами. Написал десятки тысяч строк прозу и поэзии. Оба языка знал одинаково хорошо. Переводил стихи с нескольких языков. Переводил (управления ради) Жуковского на язык Мандельштама. Работал, Русскую, украинскую, несколько европейских поэзий знал, как знал свои Поэмери—каждое дерево, каждую кустик. Учился в Харьковском университете и в Литературном институте. Постоянно приглядывался на строение, то на вокзале, на разгоне высоко ценным им арбузов и помидоров. Учительствовал в школе, консультировался в издательствах.

Самый одаренный из нас, он был и самым трудолюбивым. Он был весел и добл. Прометейский зонок Кульчицкого до сих пор звучит в ухах всех знавших его. Его острою до сих пор в обращении, так же как и его поэтические строчки. Мне пришлось жить с ним в одной комнате общежития. Самостоятельно, что единственный вид искусства, которым Миша дорожил, была толстая бухгалтерская книга, куда записывались стихи. Кроме того была рубашка с вышивками на вороте, тонкая палатка, скучная еда и любимая ежедневная четридцатидесятичасовая работа. Литературный институт послал нас на один московский завод — в многоэтажку. Шли мы как по цеху — дело было в 1940 году — и под потолка увидели портрет Эрнста Тельмана. До сих пор помню, какой раскатые горючие загорелись глаза Кульчицкого.

Когда он читал свои стихи «Тот ищит, кто в России не бже» (а читал он удивительно), большие московские залы замирали — это было полное согласие мысли и слова.

В последнюю нашу встречу (в Москве в марте 1942 года) мы говорили об оккупированном Харькове. Кульчицкий был грустен и решителен. Он сказал тогда: «Мой отец раб. Мы в атаку».

Гордый и свободный, ненавидящий любую угнетенность, позн не мог мириться с тем, что Героинскую улицу толмут фашисты. В декабре 1942 года Миша, окончивший и этому времени военное училище, уехал на фронт. По дороге на вокзал он зашел в дом, где его стихи очень любили.— И Лиле Юрьевне Брик и на прощанье написал ей стихи:

Война сосала не февральск,
а просто трудовая работа,
когда
сперх
сплозывает
по пахоте
черна от пота,
вехота.

БОРИС СЛУЩИЯ

Михаил
Кульчицкий

О детях

Все резко графича у глаз.
Все гуще профиди мазан.—
А дочь моя не родилась,
И нету сына у меня.

И голос нежности моей
Звучит томятельно и зло.
Как шлово в оконное стекло
В июльской духоте ношей.

И в темноте, проснувшись явдур,
Всё гуще чувствуюват вот тут
Затихла наворонный шум,
И детскии пальца теплоту.

А утром — настезя ожив в сад,
И ступая в голоня ветвей
Невыдуманных мной детей,
— Всадленные голоса.

О войне

Н. ТУРОЧКИНА

В небо влилось черная заросль,
Вспорона белая жерсть бона:
Нобо лилось и не вылазалось,
Как банка гущенного молока.

А под белым небом, под белым снегом,
Под черной землей, в саперной юбке,
Где пахнет ираксом, железом и лебном,
Люди в пятках фонарей.

Они не святые, если безогонные,
Когда в цели перед дотом лежат,
Вспорона неба без Бога поронья
Вымрывается им во взгляд.

Граната шала и пуля шалавы.
И когда прикоммашься, саман молла,
Нас отпавляет, в огонь полоня,
Наша черная, как леб, зельма.

Война не только смерть,
И первый цвет этой стро не ундичи ты.
Сердце, как ритм зшеноня упронх:
При жини, может, свавоз Судан,
Калифонно

Дождет до океанской, последней черты.

1940 г.

НА НЕГЕ ГЛАГОЛ ЖИВА

«...ПРИ НАПИСАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОЧЕРКОВ АВТОРЫ РАСПОЛАГАЛИ ОЧЕНЬ СЛУДНЫМИ ДАННЫМИ...»

(Выдержка из предисловия к книге «Волжские — Герои Советского Союза».)

То, что происходило под Москвой в дни оборон, трудно втиснуть в временное и местное слово «война». Это был труд — тяжелый, изнуряющий. Труд тысяч энтузиастов, промотористов, пилотов, бойцов зонитных родов войск, защищаящих полные в стою.

В эти дни не успевали оставлять двигатели у многих сотен самолетов, а летчики зачастую не располагали свободными минутами для снажного обда.

— По машинкам.

Это был главный приказ. Шесть-семь часов вылетов считалось обычной дневной нормой. Юрковичи выполняли функции истребителей и штурманов, разведчиков и даже бомбардировщиков.

«Отдыхали» только в госпиталях.

Если бы в это время командиры 27-го авиационного полка майора Климова попросили назвать фамилию самого героического парня, вряд ли он смог бы это сделать. Героями были все. Командир авиационный младший лейтенант Матаков отличался от своих товарищей не только смелостью, но и опытом, хладнокровием, мастерством пилотажа. Отсюда и результаты. Он уничтожил 123 вражеских автомобиля с грузом, 67 повозок, 230 солдат и офицеров, поджег 5 цистерн с горючим, подавил несколько зенитных точек противника, сбил 6 самолетов... Вот почему 4 марта 1942 году мы, одному из первых в полку, были первыми звания Героя Советского Союза. А спустя несколько дней...

Фашисты сегодня особенно усердствовали. Уже в который раз плотный зрагратительный окол зенитков заставлял жалких геринговских асов из «Легюна Кондор» сбрасывать свой смертоносный груз за много километров до цели. А на смену им шли новые и новые волны бомбардировщиков.

Голос командира из репродуктора: — Звеню Матакова в воздухе! Курсы...
Бой был неравным. Прошло немало времени,

прежде чем удалось разогнать стартовиков. Боезая подошла к концу, стрельба бомбардера упрямю дивгалась к нулю, когда из-за облаков не истребитель Матакова упали два «мессерс». «Битва» была выполнена австриец: чувствовался сплит пилота. Первый снаряд повредил правую плоскость — отжал элрон. Слезение было в высоте. Уйти вверх, скрыться, восстановить в облаках. Казалось бы, удалось, но... мотор захлебнулся. Ни капли бензина.

Матаков свалился искусством планирования, и если бы не выныривание вновь «мессерс», он догнать бы...

В этот вечер в полковой столовой остался незанятым один стул.
Через семнадцать лет в Вологодском областном издательстве вышла книга «Волжские — Герои Советского Союза». Две странички в ней занимал очерк «Он защищал родную Москву», посвященный замечательному летчику Василию Матакову.

Книгу мы увидели в библиотеке Центрального дома авиации и космонавтики им. В. Фрунзе. Дошли до последнего абзаца очерка: «Весной 1942 года в одном из воздушных боев на подступах к Москве прославленный герой Василий Матаков был смертельно хабривен» — и анули: рядом на полях три слова синими чернилами: «Не погибал. Жив».

Тут же в адресной стопе. Равнодушный голос дежурной:

— Матаков Василий Николаевич! Пожалуйста, адрес, телефон...
Тот ли Матаков? Может быть, однофамилец?

СТАРОЕ

ИСТОРИЯ

МОТОР В АВТОМОБИЛЕ ЗОРЯ

Л. КОКИН

НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИ

Мой знакомый, кандидат наук, рассказывал, как к нему в лабораторию пожаловал некий киносценарист, задумавший написать сценарий на модную тему об ученых и ждущий по этой причине подышать «воздухом науки».

— Как вы делаете открытия? — без обиняков обратился сценарист к молодому ученому.

Фото С. ПЕТРУХИНА

С этого номера «Смена» начинает печатать повесть Владимира Ишимова и Александра Луккина «В тишине, перед грозой».

А. Луккин — один из старейших чекистов, известен читателям как автор повестей, рассказов и очерков о советских разведчиках. В Великую Отечественную войну А. Луккин был заместителем по разведке Героя Советского Союза Д. Медведева, командира прославленного особого отряда, действовавшего в гитлеровском тылу.

Повесть «В тишине, перед грозой» основана на событиях сложной операции, проведенной советскими контрразведчиками-чекистами в начале тридцатых годов, в которой участвовал и сам А. Луккин.

Отдельной книгой под названием «Облачная тишина» повесть выходит в издательстве «Молодая гвардия».

Владимир ИШИМОВ, Александр ЛУККИН.

В ТИШИНЕ, ПЕРЕД ГРОЗОЙ

ПОВЕСТЬ

Если бы можно было изтерпеть график, который бы показывал, как креп престиж СССР во всем мире, то мы увидели бы, что в 1933 году кривая этого графика резко взметнулась вверх: внутренние успехи страны тотчас отражаются в войне. Залы международных конференций бывали переполнены до отказа в те дни, когда там выступала широкая иностранная пресса Советского Союза: Максим Максимович Литвинов. «Чтобы помнить внешнюю политику Советского Союза», — спокойно и весело говорил нарком, — необходимо знать, что ее осью всегда была и есть мир...» И к его словам, к его предложениям, лгавши чужине, прислушивались капитаны политики во всех столицах мира.

Новый президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт предложил председателю ЦИК СССР Михаилу Ивановичу Калинин установить между обеими странами дипломатические отношения. Так самая могущественная капиталистическая держава признала наконец первое государство рабочих и крестьян.

Но 1933 год принес миру и события совсем иного толка. 30 января фюрер нацистов Адольф Гитлер-Шикальгубер стал рейхсканцлером Германии. И хотя первое время гитлеровская клика делала все, чтобы обмануть народы и изобразить себя сонмом ангелов-миротворцев, все зраравомыслиящие и трезвые люди понимали: Гитлер — это война. Лучшее всего это видел в нашей стране. И делал выводы.

Люди, которым страна доверила оберегать свой покой, свой напряженный труд, свою жизнь, понимали, что наступило серьезное время. Красную Армию вооружали новейшим оружием — танками, самолетами, пушками; разрабатывали новейшую тактику боя; высшие командиры готовили планы отражения и разгрома агрессора, откуда бы он ни явился.

Но первыми вступили в бой с зрагом чекисты. В незримой и неслышимой бой. Потому что война, знали они, раньше всего начнется на невидимом фронте. Потому что фашизм, собираясь напасть, знал один, раньше всего посылает к нам своих лазутчиков. Ибо нет войны без разведки. Гитлер эхонет: основательно потреть свою узор, жесткости его не испугать, ослабить нас: обречь на поражение еще до первого выстрела.

Итак, тысяча девятьсот тридцать третий год. Лето. Июль...

КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ЦЕНТРОБЕЖНАЯ СИЛА

Далеко позади остался Одесса, и тихая улица Энгельса, и красный бышый особняк миллионера Маразин, где помещается областное управление ГПУ. Но всю дорогу мне казалось, что товарищ Линков из своего просторного пустого кабинета на втором этаже особняка неотступно смотрит нам вслед. И взгляд его повторяет: «Идите в анду, какая на вас ответственность. Лично на вас...»

Я отгонял мысли об этом. Хотя ногами ширелли на душе. Я знал, что прав.

Наш «газик» стремительно несся по шоссе. Геня Соколовский выжимал из пятидесятисильного двигателя все двадцать пять полновесных лошадиных сил. Ветер рвал с нас нахлобученные по бровям шляпы. На правых крутых виражах меня мучило: не выжило в мощное Генино плечо. Когда машина резко брала влево, я ждал, что тот же закон физики швырнет Гену на меня. Но Геня сидел

Рисунок О. ВУКОЛОВА

монумент, прикипел руками и баранки. Ему было не до центробойки шпиль. Он вел машину.

Мы спешили в Ниннелиманкс. Мы спешили в Ниннелиманкс, потому что там ничего не случилось.

СОБРАЖЕНИЯ И ВОБРАЖЕНИЕ

— Вечно у вас фантазии, товарищ Каротин! Лисонь слоник сонные губы в янтуру и гудел в чистый лист бумаги.

Маме, по правде говоря, симулаца эта мамера нашего нового начальника: улыбаеца, но на тебя не смотрит. А ведь в неважности Семёна Абдасевича нинто не упрекиет. Едва переступил порог его кабинета, сразу же широким жестом укажет на кресло, и фамилия обязательна прибавит «товарищ», а уж с «вы» на «ты» и подавно не собьётся. И всегда ровным, спокойным, благожелательным. Прямо-таки непробиваемый благожелатель. А вот на тебя не смотрит... Неприятно. Но в конце концов что поделаешь — начальство, как маму и папу, не выбирают.

— То Моску, председателя ОбГЕУ — лично! — беспоноят свои, простите, неподружанным рапортом — говорил Лисонь, сивята пальцы и уткнув мизинцы в стол. — То вот в командировку Лисонь текс без оснований. Занимались бы чем положено, и вам легче, и делу польза.

— Лисонь, конечно, во веки веков не простит мне «неподружанного рапорта». Что ж, это можно было предвидеть. Разве мне улыбалось испортить отношения с начальством? Нет. Но что оставалось делать? С рапортом получился так. В один пре-

драсный день Лисонь разразился приказом. Не называя фамилий, в том числе и моей, он долго распространялся о том, что некоторые сотрудники посылают рестораны «интуриста», где всегда много иностранцев, прибывающих в наш международный порт, среди которых могут оказаться агенты зарубежных разведок, и заканчивая приказом тем, что объявил рестораны для всего личного состава «тбу». Не могу сказать, чтобы я числился в ресторанных записках, но запрещение это меня забеспокоило. Почему мне, начальнику отдела по борьбе со шпионажем, нельзя появляться в заведениях, где вращается именно та публика, которая по роду работы может представлять для меня интерес? Если ты боишься, чтобы твои сотрудники сталкивались с возможными иностранцами разведчиками, как же ты доверьшь этим сотрудникам борюца с ними!

Все это и высказал Петру Фадеевичу Илнну, заместителю начальника управления, которого все мы почитали и уважали. Петру Фадеевичу свои профессорские роговые очки, привычным жестом протер нос и суховато сказал:

— Начальник управления не последняя инстанция.

И отправил короткий рапорт в Москву и вскоре получил ответ: если это вызывается необходимостью, в посещении ресторанов нет ничего предосудительного. После этого Лисонь, поинтов, воспользовался мне не очень немилым чувством.

— Разрешите доложить свои соображения, — коротко говорил он.

— Какие твои соображения? Одно воображение. Улыбка не сходит с губ Семёна Абдасевича, поза не меняется, но мне кажется, что он слегка раздражен.

Начальник управления вздыхает и отидивается в кресло. Глаза его прикрыты, улыбка приобретает чужую интеллигентский оттенок: мол, что с ва-

ми сделаешь, вальфёте, излагайте. Не разрешен вам — тут же какой-нибудь демагог станет болтать, что Лисонь, дескать, не прислушивается и именно подчинившимся...

И я начинаю излагать.

Я докладываю, что с ранней весны оживилась деятельность генерального консульства Германии. Новый секретарь консульства Отто Грюн, который любит именовать себя доктором, весьма общительный человек. У него много приятелей. Но прямо так неразлучен он с одним — с секретарем японского консульства Митани. Кроме того, Грюн заравнен бакинской странницей. В Одессе он всего три месяца, а уже много путешествовал по области, в частности несколько раз съездив в Ниннелиманкс.

— Ну и что же, товарищ Каротин! Эти поездки были Грюну разрешены?

— Я знаю, что разрешены. Но ведь маршрут-то он выбрал свой. Правда, по нашим данным, во время поездок Грюна не замечено ничего подозрительного, но...

— Вот видите, ничего подозрительного.

— А может, на местах проморозили! Вот, например, это вальфёте в Ниннелиманкс. Он там бывал по два-три дня, вроде без дела, ни с кем, как сообщил Ниннелиманксий гортодел, не встречался. Бродит по городу, сидит в кино, в театр, попросил, чтобы его покатили на ляде. Для этого ездить в Ниннелиманкс! Что в Одессе кино нет! Наш знаменитый театр уже никемлиманского! Морскую прогулку ему б не устроили! Не думаете же вы, товарищ начальник, что Отто Грюн — и впрямь завядлый турист и возникает исключительно ради собственного удовольствия?

— А что мне мешает думать именно так. Это ведь штука-мужичи — интуция, гуделици. Интуция — всё это баллестрица. Народ, что говорит? Вы не обижайтесь, но народ говорит так: дурная голова ногам покоя не даёт. Вы полюбите

Новая косметика Стокгольма.

экране. Молодой, здоровый парень тщательно домогается взаимности от влюбленной в него девушки. Она и она еще школьница. После окончания школы должна состоять их помолвка. Но парень не хочет ждать. Кто-то из товарищей указывает ему на другую девушку, которая оказывается более покладистой. Теперь настала пора мучений для героини. Она выливается распада и попадает в психиатрическую больницу, где проводит несколько долгих лет. Натурлистическому показу мучений душевно-

большой отведено три четверти всего фильма. Наконец, несколько оправдываясь от нудизма, надломленная и все еще страдающая девушка возвращается в родной город. Но здесь ее ждет новый непоправимый удар. Ее возлюбленный успел обзавестись своей семьей.

Что хотели сказать авторы фильма, понять не так уж трудно. Будь героиня более стеснительной, ей бы не пришлось мучиться и она была бы счастлива. Философия настолько примитивна, что ее легко усвоит любой подросток. Не знаю, выдал ли этот фильм достопамятный противник боксерских боёв. Но он, безусловно, осведомлен о содержании «киношведеров», толкающих молодежь в объятия всех существующих пороков. И тем не менее в парламенте говорят не о фильмах-искусителях, а о боксе.

Между прочим, каждая лента, будто отмененного или заграничного производства, прежде чем попасть на шведский экран, подвергается цензуре. Но какими же киноками руководствуются шведские цензоры? Шведский зритель не увидел, например, фильма о преступлении германского фашизма. Главный киноцензор г-н Эрик Скулманн вышел в фильме слишком много «неподходящих» мест, которые, по его мнению, «могут отрицательно сказаться на психике шведского зрителя». Что это за сцены? Суд над титероэцами в Карлсве, кадры казни военных преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом.

Гангстерские боёвки с бесконечными убийствами и разведениями, порнографические драмы отнюдь не претят вкусу шведских блюстителей нравственности. Но на правдивый рассказ об ужасах минувшей войны они накладывают вето. Логика довольно странная.

А ведь такой фильм мог бы не только раскрыть глаза взбудораженным юнцам, которых мы видели у входа в один из стокгольмских домов с вывеской «Общество К. Е. Карлсбега». В этом доме помещается организационный центр шведского неонацизма. Заглянув внутрь, вы уви-

дите портреты Гитлера, паузу черной фашистской свастикой. На нижних полках произведения фашистских главарей. Общество пышно отмечает день рождения Гитлера. Среди его почетных заслугатов бывшие члены гитлерюгенда.

Каждый четверг, в 7 часов вечера, в этих насквозь пропитанных нацистской заразой ставках происходят встречи школьников с искусными пропагандистами коричневой чумы. Кровавые подвиги фашистов окружаются ореолом романтики. И уж, конечно, ни слова не услышишь здесь о газовой камере Окселинги и о трагедии Лидиче. «Будь шведом, «Здоровье, красота, сила» — вот на какую мекхитру приманку ловят здесь легкомысленных юнцов.

Фашистский дом Карлсбега далеко не единственное место, где шведские неонацисты расставили свои капканы. И, видимо, отнюдь не случайным, что именно в шведском городе Мальмё саял свое гнездо штаб международной неонацистской организации «Европейское социальное движение».

Нет, природа не терпит пустоты. Однажды вечером мы разговорились со студентами Стогольмского медицинского института. Обсуждалась мысль о том, что дурачная личность не менее важна для человека, чем хороший бишкек. Мы вспомнили имена Толстого, Хемингуэя, Чайковского, Грота, Рембрандта... Наш спор кончился совершенно неожиданно. Один из присутствующих спросил: «А кто такой Толстой? Второй поинтересовался национальностью Чайковского, третий, оказывается, ни разу не слышал о Хемингуэе.

Наши собеседники, вероятно, выйдут из института хорошими врачами, но они не станут образованными людьми в широком смысле этого слова. Этого от них просто не требуется. Странный парадокс — не правда ли! — для страны, которая ежегодно вынуждает лучших представителей мировой мысли дипломатическими миссиями.

Да, в Швеции много парадоксов. Но главный лежит на поверхности: неумолимая, слепая, отупляющая тяга

к материальному благополучию, жажда и пренебрежению, в жертву которой приходится все, что нельзя купить за деньги.

Квартира — холодильник — телевизор — яхта... Такими вещами отмечают жизненный путь страсти и пренебрежительности. От вещей к вещам, от покупки к покупке. Блестящие ящики и корбины составляют пирамиду, по которой совершается восхождение и «прощетание». Добротные красивые вещи наполняют жилище. Но сердце их обитателей часто остается пустынным. В душу не вливаются холопидники. Ее не украсит и самый роскошный автомобиль. Ей нужна другая пища — порыв, дерзновенная мечта, высокая цель.

— Частное слово, в чертовски завидую вашим парням, которые спят в палатках где-нибудь в Сибири, — сказал мне молодой широкоплечий студент-доброскорый из Гётеборга Кнут Нильссон. — Им, наверно, даже самый тяжелый труд в радость. Потому что их радуют плоды труда. Они знают, для чего работают. А я работаю только за деньги. Мне хорошо платят, и я честно тружусь. После работы я надаваю чистый костюм, сажусь в машину и яну домой. А вечером мы с женой будем снова считать, сколько нам нужно еще откладывать, чтобы купить электрический гриль.

Кнут выразительно плонул.

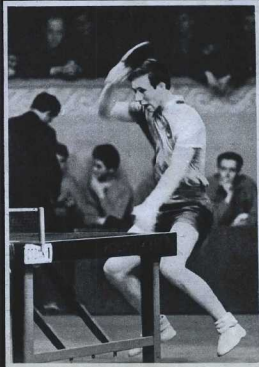
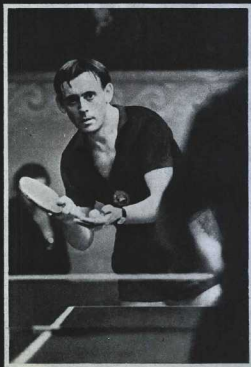
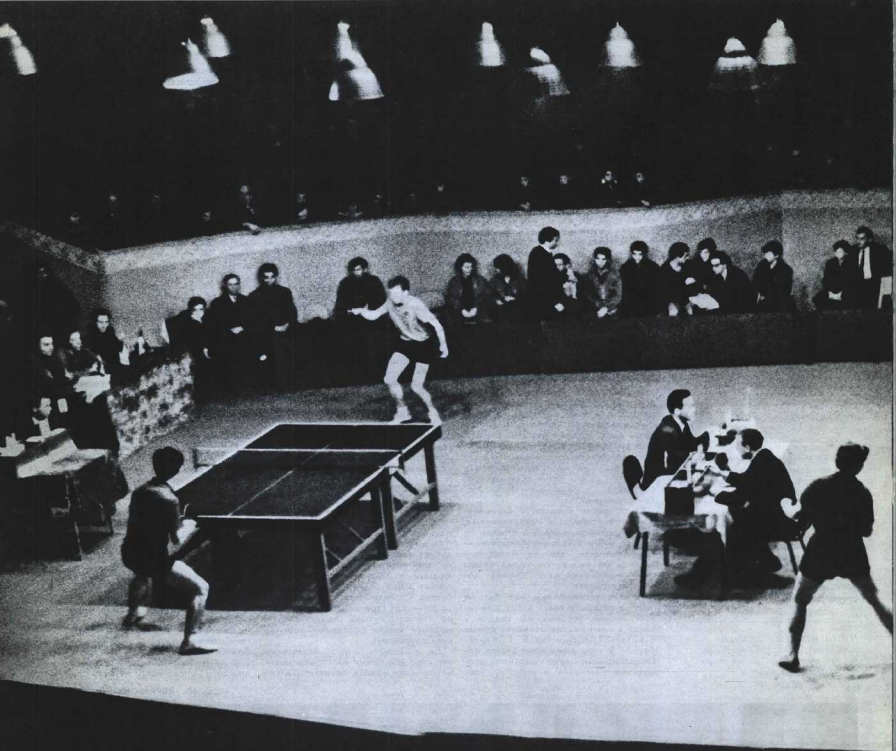
— Кажется, я скоро сойду с ума от такой райской жизни. Вот наступит лето, устрою матросом на какое-нибудь судно и иду плавать. Подышу свежим воздухом.

Кнут, увы, не титаник... Большинство его товарищей так не рассуждают, не задумываются о цене, которую оплатят свое месячное «благополучие».

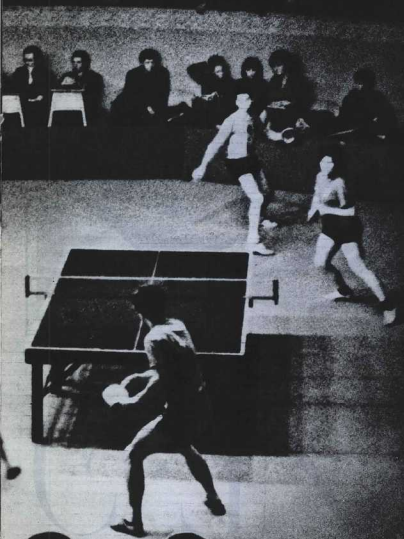
Сорок лет назад для паравца советской энергетикой Волховской ГЭС потребовалось несколько генераторов. Их купили в Швеции — стране, которая всегда славилась отличным качеством своих изделий. Эти славе не померкла и сегодня. Высокоразвитой Швеции под силу выполнить любую задачу. Только одной конструкции она не может одолеть — генератора простого человеческого счастья.

Фото Ю. АБРАМОЧКИНА (АПН)

ЛЮБЛЮ НАСТОЛЬНЫЙ ТЕННИС!

Подросток может сказать: «Когда я вырасту, я стану футболистом». Если мячик для настольного тенниса не может завидеть: «Когда я вырасту, я стану футбольным мячом». Это понимали десятилетние школьники, игравшие иногда в настольный теннис на сдвинутых партах при помощи самодельных ракеток. Ребята не представляли никакой претензии к взрослым: люди, занятые делами более важным, чем настольный теннис, и даже более важным, чем футбол!

Ну что ж, портфель вместо сетки или же просто папко, а на нем повешена только что прочитанная газета. В газете, кстати сказать, крупными заголовком о том, что заложена Днепропетровская гидроэлектростанция... Шел 1927 год.

Уже давал толк Белозворост, уже организовались мощные колхозы. Уже как бы выдвинулся на горизонте перлах украинской долины, Челябинский тракторный.

Подросткам, страстно влюбленным в свой настольный теннис, которым тогда называли пинг-понг, иногда называли, что в гигантских новых цехах, в переплетки дальних маршрутов вряд ли найдется место для маленького белого мячика.

И вот прошли годы. Московская заводская окраина — вернее, бывшая окраина — хорошо знакома мне, бывшей работнице завода. Сохранились еще здесь временно излучинки домики. Но рядом с ними будто новый город вырос. Широкие проспекты, кинотеатры, удобные, просторные дома. Сохранились как исторические реликвии башни древнего монастыря. Но вырублен старый лес возле них. Рядом с башнями возвышается Дворец культуры.

Завод отдыхает сегодня: воскресенье. Но вот от стадиона метро и проходом завода бегут группы девушек в спортивных брюках, в руках — чмодачки. Девчата спешат в заводской спортзал на соревнованиях по настольному теннису.

Маленький белый мячик летает над сеткой в разных концах страны: в санаториях черноморских курортов и на берегах озера Ангары, в Армении и в Прибалтике.

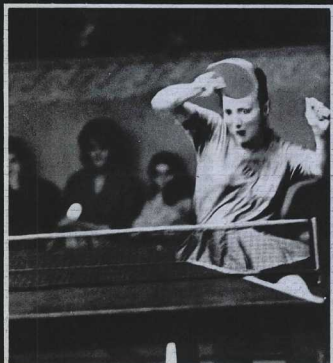
Соревнования по настольному теннису, так же как соревнования по другим видам спорта, стали праздником смелости, силы, ловкости, красоты и выносливости. Завоевывающую борьбу, все многообразие технических приемов игры в настольный теннис — контр удары, острую плавсировку, укороченные мячи, отскокисьеся почти без отскока возле самой сетки — увидишь уже не только на переносках страны, но и на больших международных встречах, которые проводятся у нас в стране.

В поэзии и в болельщиках настольного тенниса. О стихах, которые кажутся мне вальсами и скучными или надоели, кричим: заглазавоимыми, иной раз, сама того не замечая, я говорю терминами своего любимого вида спорта: «Это типичные качки, перседаки... А вот у Маяковского качки, завершеще удары!» Как люблю болельщик, я убеждена, что без настольного тенниса жизнь потеряла бы для меня значительно долю радости и красоты. Так пусть и для вас настольный теннис станет любимым видом спорта, а эти фотографии помогут понять его красоту.

Люблю настольный теннис!

Екатерина ШЕВЕЛОВА

Фото В. САККА

Галерея
шедевров

ГРАВИЮРЫ УЖИЭЭ

Живопись доступна всем. Картина, изображающая привычную обстановку — что может быть проще? Все дело в том, чтобы сделать ее привлекательной. Привыкнуть к вечной необходимости, которую дарит искусство, научиться пользоваться глазами как окном в неисчерпаемый мир прекрасного.

Здесь представлены две репродукции с японских гравюр из коллекции Государственного музея искусства народов Востока: «Нолан» Какусэя Хокэя (Хокусэя) (1790—1849) и «Летальная реиша» Китагамы Утамаро (1753—1806). Японская цветная гравюра на дереве была образцом чистого народного жизнедеятельного искусства. Оно регистрировало с точностью сейсмographs все изменения в социальном укладе. Оно в то же время строго следовало многократно усиленным условным канонам и было проникнуто буддийской совершенностью непреходящей красоты «прекращающего мира».

«Ужи-э» — «картина прекращающего мира» — по таким названием вошла в японское и мировое искусство школа живописи и деревянной цветной гравюры эпохи Эдо (1600—1868).

В Европе о ней впервые услышали не более сотни лет тому назад, в период становления импрессионизма, и скоро странные, причудливые эстампы заняли одно из общепризнанных и почетных мест в ряду мировых шедевров.

Япония в условиях жесточайшей междоусобицы вырастила удивительное искусство — цветную гравюру на дереве, возникшую как синтез трех самостоятельных начал: театра, иероглифической письменности (каллиграфия) и ремесла.

Зарождение гравюры в Японии относится к середине VIII века, но подлинный расцвет ее и массовое проникновение в повседневный быт приходится на конец XVII века. В распространении гравюр сыграло существенную роль начало массовых гонений на христиан и связанное с этим стремление людей иметь в своем доме какие-либо дешевые буддийские изображения, которые можно было бы в случае проверки предъявить правдоподобным чиновникам.

Но постепенно японская гравюра меняет свою направленность. Полный неудовлетворенной скорби, чисто буддийский подход к преобладающему земному бытию под воздействием вку-

сов горожан, потребителей гравюры, приобретает черты пристального любования неуловимо прекрасным, многоликим миром.

Господство феодального уклада в стране, которая вплоть до буржуазной революции 1868 года в течение 30 лет была искусственно изолирована от внешнего мира, характеризовалась строжайшей регламентацией всей общественной жизни. Изобразить что-либо касающееся быта высших слоев общества было запрещено. Даже жизнь торговцев затрагивать было рискованно. На социальной лестнице «не производящие никаких материальных ценностей» художники «чужд-э» стояли наравне с актерами народного театра кабуки и гейшам. Из их жизни и брали свои сюжеты мастера японской гравюры, изображая различные сцены в веселых кварталах и театральных уголках.

Японскую гравюру, как и японскую театру, чужда всякая иллюзорность. С этим связано специфическое отношение к символам вещей. Большое значение придают одежде, меняющейся в зависимости от возраста, социального положения и жизненной ситуации. Реальные вещи —

предметы быта — являются одним из важнейших элементов содержания в гравюре. В этом кроется величайшая реалистичность японского искусства.

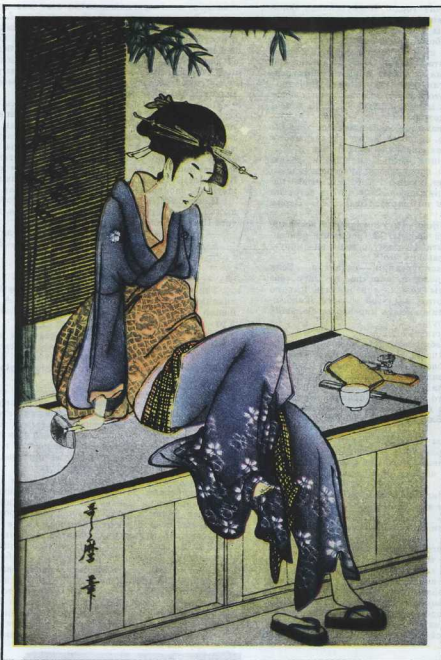
Понятия «писать» и «рисовать» в Китае и в Японии равнозначны. Обучение и там и там начиналось с обучения каллиграфии.

Выписывая иероглифы, будущий художник за этими каллиграфическими абстракциями учится видеть зрительно воспринимаемые образы. Искусство изобразительной письменности тренировало и глаз и руку, подводило к живописи, которую древняя китайская мудрость оправдала как «стихи без слов».

Как правило, гравюра снабжалась иероглифическим текстом, который оформлял ее подобно орнаменту. Такая комбинированная иероглифическая и рисованная композиция подчеркивает достигнутую единство ситуации мира.

Японскую гравюру отличает удивительное мастерство выполнения. Это объясняется отчасти и тем, что в ее создании принимал равноправное участие три мастера: художник, гравер и печатник, — целая артель специалистов, достигавших вершин профессионализма.

Кацусики Хокусай
(Хокусай).
ВОЛНА.

Китагава Утамаро.
ПЕЧАЛЬНАЯ РЕЙША.

Для гравюр применяли доску продольного распила, используя сложность дерева для передачи рисунка, который наносился кистью на лист бумаги часто лишь в виде черно-белого контура. Цвета накладывали на готовый рисунок либо просто помечали перогамаши. На этом работа художника заканчивалась, хотя все остальные стадии изготовления гравюры обычно проходили под его надзором. Рисунок лицевой стороной накладывали на доску, соскабливая вертикаль слои, бумагу промасливали, так что проступало отчетливое изображение. Затем гравюр резцом вынимал углубления между линиями. Доску промывали. Печатник кистью наносил краску и печатал вручную, самостоятельно подбирая тона, и раскатывал бумагу с помощью специального валика, добиваясь тоновых градаций исключительной тонкости.

Выполненная на матовой, волокнистой бумаге печать, никогда не превращаясь в контур, сияющая жизнью, свободными в каждом отпечатке цветом, японская гравюра как бы обрывает свои линии своего рисунка. В позе гравюр «куке-э» значительное место занимает пейзаж. «Волна» замечательного мастера Кацусики Хокусая — яркий пример традицион-

но японского умозрительного любования природой. Как бы мгновенный сонес, казалось бы, случайной, входящей картины бытия при более внимательном рассмотрении оказывается сложным, бесконечно разномысливающимся графическим символом.

Первое, что мы видим, — это угроза и мощь гигантского вала, взрывающегося в небо пучина, заставляя перед последним пражком, призываемым пологостью вселенной. Текучая, всякая жидкость на вершине течения волна котится будничным, приземистый мир жемала человечков, согнувшихся под тяжестью, по-видимому, бессмысленного весла. Правую верхнюю часть гравюры занимает небо, ничем не нарушенное, служащее неким риторическим фоном для струящихся рыбаков и невзрачной горы на заднем плане.

Но, оказывается, мы уже не сможем от него оторваться. Этот заснеженный холм и по диагонали его зеркальное отражение — островерхая, взрывающая волна слева на переднем плане — и являются логическим и динамическим центром всей композиции. Вторая, перекрывающаяся с первой диагональ гравюры — двойное, устремленное вправо в друга движение лодок и гигантского вала. Если мы мысленно проведем между

двумя острями лодок вертикальную плоскость, то увидим интересное явление: изображения перекрывающихся волн фактически сводятся к участку китайской философии: *ян* и *инь*. Первого — светлого, активного, мужского, духовного (небо, вода и молнии-рыбки, мужчины). Второго — темного, пассивного, женского, вещественного (волна, стихия). Это обозначение является символом единства противоположностей, взаимосвязанных, взаимосуществующих в каждом мигновении, случайном (волна) акте природы. И здесь мы снова возвращаемся к горе — единственному статичному, «материальному» объекту картины.

«Волна» принадлежит к серии гравюр «36 видов горы Фудзи». Такие серии чрезвычайно характерны для японской гравюры, которая много раз заменяла книгу. Именно горы Фудзи, традиционный символ красоты и величия природы, гора, высвобождающая почти религиозное поклонение у японцев, и является ключом к пониманию содержания гравюры.

Фудзи — полук хаотичная поверхность, которая по мере, оплот стержней

и величия духа, символа спокойствия и мудрости, связующее звено с небом. Служит горы почти терпится на горизонте, уславив контраст между гордой величиемностью духа и иллюзорной мощью слепой природы. Здесь сказывается знакомство с европейской перспективой, хотя в основном гравюра построена по законам японской перспективы: чем дальше предмет от глаза, тем выше он располагается на плоскости картины. Эта смысловая насыщенность уславив драматизм сюжета, но не сообщает ему трагического оттенка, который чужд японской гравюре вообще, и Хокусая в особенности. Причем в данном случае драматическая напряженность разрешается достаточно тонко: общую гармонию удамжене подчеркивает прищипом только цвет лотки что фамандским кумором в изображении человека.

«Волна» в высшей степени конструктивна. Даже в совершеннейшем искусстве японской гравюры можно встретить такую царственную роскошь в передаче движения, достигнутую столь скуными средствами рисунка и цвета, такую мощь живописного эффекта, распределенного в перемежающихся пятнах темного и светлого тона, как бы повторяющихся в каждой частице изображения двойственную сущность картины.

Во всепроникающем калете прекрасного как нельзя более сказались женственность японской культуры. Женщины всегда играли существенную роль в формировании японского эстетизма. Большинство выдающихся образов японской литературы создано женщинами. И вот в конце XVIII века пеней женской красоты Утамаро заставляла непостижимое восприятие своими моделями.

«Печальная рейша», слепая на фоне ветви бамбука и тростниковой ширмы, — аспект лотоса, брошенный на конвейер замершей на мигновение жизни. Случайность современного изображения, которое делает ее существование бесконечным. Какой зоркостью должен был обладать художник, чтобы в начале брошенной с ноги глеи увидеть этого неповторимого миг внешней задержки мчащегося прочь бытия!

Вертикальная стойка вместе с курительными принадлежностями в правой части картины — вежа, начало отсчета. Ей вторит другая, по мере наклона движения объекта к левой углу гравюры: вертикали женской фигуры, согнутой поди, фрагменты деревянного бруска и отброшенной лети и бамбуковой ветви, вода и ниспадающей лесенки иероглифов. Благостный порыв, дыхание вечности, покаяние, как бы жемалю, как бы вступают в обрамлении мертвой материи.

Основной же опорой композиции служат замучивший и печальный взгляд женщины — почти безалайный край дождятого выстуна террасы. Причем направление этого взгляда вновь и вновь заставляет нас возвращаться к началу картины — почти безалайный край дождятого выстуна террасы. Причем направление этого взгляда вновь и вновь заставляет нас возвращаться к началу картины — почти безалайный край дождятого выстуна террасы. Причем направление этого взгляда вновь и вновь заставляет нас возвращаться к началу картины — почти безалайный край дождятого выстуна террасы.

Пропорции облаченной в нежно-пушистую кимоно женской фигуры также подчинены общей, почти интуитивной, каламанду к лотку времени свои волнистые контуры и всплески складок.

Позакомившись оладженж с японской гравюрой, уже невозможно не быть той нежностью резцом иерархических линий, заставляющих в неповторимом рисунке.

ДМИТРИЙ СИЛЬВЕСТРОВ

окуренция — это звучит гордо! Конкурентная борьба — дух эпохи! Мобилизующие силы и энергию каждого выдающегося представителя любой отрасли бизнеса.

Что касается меня и моих компаньонов, Джекя и Вьюка, наша знаменитая фирма «Американские индустриал и К» никогда не имела никаких конкурентов. В искусстве похищения мы достигли фантастической изощренности. Когда мы кого-нибудь похищали, то уж не оставляли ни следов ног, ни отпечатков пальцев. А похитить мы могли любого, если, конечно, мероприятие приносило прибыль. Многие пытались нас подражать, однако никому не удалось хотя бы немного приблизиться к нашему уровню, недостижимому уровню мастерства своего дела, парней из фирмы «Американские похитители и К».

Можете себе представить во сколько раз, когда однажды я узнал о банкротстве одного подобного предприятия, расколовшегося вдобавок достаточным количеством денег, людей и амбиций, чтобы начать конкурировать с нами. Шефа конкурирующей фирмы я встретил во время своей еженощной прогулки по парку. Звали его Варин Влю.

— Бун, — обратился ко мне Варин Влю, — я уже давно с восхищением наблюдаю за деятельностью вашей фирмы. Вы работаете классически. Тщательное изучение вашего опыта натолкнуло меня на смелую мысль достичь такого же уровня или превзойти его!

— У нас в стране полная свобода конкуренции, — сказал я. — Если ты собираешься основать собственное дело, я, конечно, не могу тебе помешать. Не пойму только, почему ты хочешь соперничать именно с нами. Ведь куда легче тебе будет работать в другой области экономики: заниматься сейфом, например, шантажировать директоров больших фирм, выманывать деньги у богатых старух...

Он засмеялся, но каким-то несимпатичным смехом.

— Не нравится, что я отбиваю у тебя хлеб? Да, до сих пор ты и твои компаньоны вели беззаботную жизнь. Не удивительно, что вы боитесь конкуренции. Бун, даю тебе слово: я и моя фирма готовим такой сюрприз, что тебе придется ликвидировать свою лавочку!

Я неустойчиво расхохотался и сделал вид, будто мне все иночем. Но на душе у меня копилась среброта. Что правда, то правда: жили мы припеваючи и не-за полугода отсутствия конкуренции развалились, стали работать без выдумки. А от Варин Влю можно было всего ожидать. Собрал я ребят на совет.

— Слушайте, — говорю, — мы должны покатать Варин Влю и его людей, где раскинуто. Нужно отстранять таких похитителей, чтобы у конкурентной фирмы глаза на зоб повесили, чтобы каждый жулик очумел от восторга, а каждый порядочный человек — от страха. За работу, мальчики!

Запомню, — сказал Джек, а у Вьюка даже глаза загорелись. Золотые ребята, трудолюбивые и любящие в свое дело!

— Кого похищать? — спросил Вьюк.

— А ты пошевели мозгами и скажи мне сам, кто самый богатый человек в мире?

— Быть этого не может! — завопил потрясенный Джек.

— Побойся бога, уж не имеешь ли ты в виду Г. Г. Грингера, миллиардера? — простоял Вьюк, полный самых мрачных предчувствий.

— Да, — с гордым и высокомерным видом пронаез я, — это должен быть Г. Г. Грингер. Клиент поменьше проблемы не решит.

Но ведь это невозможно, — развил Джек. — Независимо, чего у этого типа больше: денег или подозрительности. Он едит в бронированном автомобиле, а люди из его охраны силой не уступают неандертальцам, а меткостью — героям ковбойского фильма.

ства получения приглашения на этот маскарад. С расположением команд мы знакомы уже заранее: они благоосложены и предусмотрительным людям, это знает каждый, кто знаком с античной литературой и искусством похищения. Очередь была за костюмами. Вьюк нарядился шерстяным жилетом: зверская шкура на бедрах, в руке дубина. Джек оделся лордом Байроном: спорты, накладные башмаки, дохлованный взор и несколько возмущающих цитат, вымышленных наузой. Я и присутней мне скромностью оставил свой выбор на костюме первого президента Соединенных Штатов.

Около половины десятого мы смесались с толпой, заполнившей зал, весьма сверкавший от множества драгоценных украшений. Здесь были миллионы и губернаторы штатов, принцы и принцессы из стран, названия которых известны только филателистам, представители золотой молодежи, анулы Уолл-стрит и красавицы, способные укротить любую акулу Воя, исполняя дело, в маскарадных костюмах. Тут была представлена вся история человечества: я обменялся рукопожатием с Оливером Кромвелем, Талейраном, Наполеоном — Наполеоном было целых три штуки, — расканивался с Илюстратором и так далее.

И, наконец, я увидел Г. Г. Грингера в собственном паре. Он пришел сюда в костюме Цезаря, точнее говоря, в костюме маленького публого Цезаря с двойным подбородком.

— Аве, Цезарь! — весело завопил я по-латыни.

— Вы отгадали, кто я изображаю? — обрадовался Грингер.

— Нет ничего легче!

— А вы кто? — спросил он.

— Президент Джордж Вашингтон.

Так начался наш беседа. Заговорив старин Грингеру зубы, я похитонку отщипнул его с балке дубовой. А за этой дубовой стоял совершенно случайно забредший сюда некий шерстяной человек с дубиной в руке.

— Ага, — пронаез со своим желтым юмором Грингер, увидя шерстяного человека, — а это, конечно, костюм представителя профессора — И пронаез руку для приветствия. Но шерстяной человек, не говоря худого слова, чухнул его по голове дубиной — и вот уже Г. Г. Грингер рванулся на полу.

Теперь за дело взялся я. Еще днем мы спрятали на балконе сверток, в котором была запакована медвежья шкура, сверху дюною застегивающаяся на «молнию». Вьюк развернул шкуру, и залпал туда еще не пришедшего в себя Грингера и застегнул шкуру. Вьюк перекурил его, как женок, через ноздри и вышел вслед за мной в зал.

— Минутку внимания! — обратился я к удивленной публике. — Вот идет президент Вашингтон, а за ним выступает символ мощи США с убитым русским медведем на плечах.

Восторгам не было конца. Под смех и аплодисменты всего зала мы промаршировали до самого выхода. У подножья уже ждала машина, лорд Байрон сидел за рулем. Вьюк втащил медведа на заднее сиденье и усеял рядом с ним. Мы медленно тронулись в сторону железных ворот, где стояли специально вывезенные на время бала поликомы. Они медленно и уважительно отдали честь, ибо даже на полицейского пронаездника впечатленье автомобиля, веющей дубиной Вайрона, Джорджа Вашингтона, шерстяного жителя и самого богатого медведа в мире.

В маленькой, великолепно замаскированной лесной сторожке мы устроили свою штаб-квартиру. Когда мы выносили из машины килограммы миллионов медведы, внутри него что-то шевельнулось. Г. Г. Грингер намеряла не имея никакого понятия, что с ним произошло, — да и кто на нас подготовлен к тому, чтобы пруснуться в медвежьей шкуре? Несмотря на это, он сразу принялся кричать на нас выгнанным голосом человека, привыкшего командовать целыми стадами генеральных дирек-

Дональд ХОХТОН

Я талантливо укмильнуло:

— У Г. Г. Грингера тоже есть свои слабые места. Например, он боится представитель высшего общества, анднократно.

— Ничего у нас не выгорит, — грустно покачал головой Джек.

— Выгорит! — закричал я. — А когда он будет в наших руках, отрубим с него пять миллионов заклад. И мы получим, что хотим. Мы отведем с собой расходы на рекламу, получим освобождение от налогов и будем опять при своих.

— Но как до него добьются? — продолжал унывать Джек.

У меня уже готов план, сообщил я. — Чудовищная наглость Варин Влю подстегнула мои умственные способности. Никогда еще я не могу представителя нашей отрасли не рождалась идея, подобная моей! Слушайте и запомните: послезавтра Г. Г. Грингер отправляется на благотворительный бал-маскарад в полосу слаборазвитых стран. Это я узнал из вчерашних газет. — В этом месте своей речи я торжественно повисил голос. — Мальчики, упрямьтесь в тишине и готовьте костюмы: мы идем на бал.

Наш приятель Гарри с соседней улицы, занимающийся подделкой документов, сделал нам копии билетов. Бал был устроен в одной из тех огромных вилл на Лонг-Айленде, где гостиницы размерами соперничают с футбольным полем. Только представители самого высшего обще-

торов, табурнами просто директоров и колесами шефов нефтяных районов, на тех, что поизже рангом. Но мы к такому обращению не привыкли. Блок немедленно сказал медведю, чтобы тот закрыл пасть. И действительно, Гриттен замолчал, словно ему в рот воткнули заточку.

Мы зашли в сторуку и спустились с него шкару. Гриттен взглянул на интерьер нашей кабинки, на нас, все еще одетых в маскардадные костюмы, и спросил:

— Что со мной? Может, я в сумасшедшем доме, а может, я сижу в машине времени?

— Тут я собираюсь, что к чему: кланет еще не пришел в себя после удара дубиной. Поэтому я вежливо ответил:

— Ничего подобного, мистер Гриттен. Мы были с вами на благотворительном балу, а теперь вы наш тоще. Вал окопачи, и сейчас вы переживаете погрязанию по спонсу величии кинуть.

— Это сказал я? — вылезла Г. Г. Гриттен.

— Вы совершенно правы, — охотно согласился я. — Но мы привезли вас сюда отнюдь не в качестве четвертого партнера для игры в бридж. Спешу сообщить вам, что мы гангстеры, готовые на все, и не становимся даже перед убийством. Сидите, пожалуйста, поудобнее, поговорим. Вещь этого скандала — пользуясь вашим же определением — не продлится дольше двух-трех дней. Собственно, срок зависит от вас, от степени нашего сотрудничества с вами.

— Сотрудничество?! — прохрипел он. — О чем вы говорите? — И возмущенным жестом замахнулся в императорскую тогу.

— Мы хотим обменять вас на пять миллионов долларов, а одновременно сделать вас нам бессмертным не только на уровне финансов, но и в области криминального: ведь мы главное действующее лицо величайшего похищения нашего времени. Да-да, мистер Гриттен, вы вошли в историю.

О дню Гриттен вместо того, чтобы поблагодарить нас, продолжал кляпаться:

— Вам это так не пройдет, мистер, мистер...

— Вашингтон, — подбавил я.

К черту Вашингтон! Вы не имеете права так обращаться со мной. Я не потеряло, чтобы мое имя гремело в связи с подобной аферой! Плавать я на такую популяризм!

— Спокойно, мистер Гриттен. В холодильнике найдутся сосиски и пиво. Может, это таковой ужин, в котором вы привыкли, но если вы присоединитесь к нашему обществу, мы будем очень тронуты.

Гриттен буркнул что-то должностящие означать, что голодную смерть он предпочитает нашей компании. А мы с аппетитом поели и перешли в свое обычное платье. Как и следовало ожидать от человека с таким финансовым и общественным положением, Гриттен оказался невростенком. Бесс мы подождали, быстро выгуляли, бегал по комнате, требовал, чтобы мы позволили его адвокату. И только когда Вло дообещал, что зашьет его в медвежье шкуру и заставит плавать, он начал вести себя пристойно. Потом заснул спящим сном, а мы стояли по очереди на вахте, потягивая пиво в честь победы.

— Да, Барни Вло таковой номер даже в голову не пришел бы! — гордо провознес я. — Придется ему распухнуть свое лавочку и обратиться к контролю по найму, чтобы честным трудом зарабатывать на хлеб! Утром мы разбудили Г. Г. Гриттена, потягивая его кофе, после чего я вежливо спросил:

— Так к кому надо обратиться на предмет пяти миллионов выкупа?

— Этого вы от меня не узнаете, — некриво ответил Гриттен.

— Мистер Гриттен, — сказал я тогда, придвая своему лицу самое мрачное выражение, — в подвале нашего дома есть комната шитов, оснащенная полным ассортиментом необходимых орудий, начиная от

плоскогубцев для выравнивания ногтей, дыби, плетки-семичесты и кончая запятыми на магнитофон рекламными передачами американского телевидения. Если вы будете вести себя неадекватно и мешать нам в нашем трудном, но благородном деле, мы будем вынуждены продемонстрировать самые зарвавшие и омерзительные черты своего характера. Так что будьте внимательны к мой воле!

Он вздохнул. Очевидно, упоминание магнитофона записей привело его к печальным размышлениям.

— Повините мое жено, миссе Хильдегард Гриттен, — проинес он с явной насмешкой. Вот номер телефона. Она одна распоряжается клавишами от сейфа, где лежат наличные.

— Она у вас как, истеричная особа?

— Где там Холодная, как вы?

— А выложить она наши указания?

— Если узнаете, что от этого будет зависеть моя жизнь и свобода, думаю, выполнит.

И тотчас поехал в ближайший городишко и закрылся в телефонной будке, чтобы за десять центов стать обладателем пяти миллионов долларов, набрав номер, жу. Ничто не подлодит. Набрал еще раз, жул пять минут, дозвон. Так же и чем и вернулся в нашу сторуку.

— Что за номер вы мне дали? Размер вашей шортички?

— Это номер дичного телефона мой жены!

— До такой степени дичного, что никто не снимает трубку?

— В этом нет ничего удивительного: жена могла пойти на тонкие или к косметике.

— А жене не беспокоит, что вы до сих пор не вернулись?

— Нет. Человек моего положения должен днем и ночью беспокоиться о своих делах. И часто ночью из дома.

В течение этого трагического дня я еще несколько раз ездил в городок и пытался договориться до миссе Гриттен. Все было напрасно. После двадцати летней попытки я начал нервничать. Человек такого веса, как Гриттен, не может незнать песенку, не зная бесполитичности целой армии подчиненных и партнеров по бизнесу. Если кому-нибудь придет в голову, что Гриттен похищен, что развернется пекло и логично так нас со всеми потрясали.

— Ваша супруга не была в моем составе с вами? — спросил я.

— Нет, она не выносит таких развлечений. И был бы, однако, очень рад, если бы мы свазались с ней и положили конец всей этой истории. Мне уже надоело сидеть в этой узкой шкале.

Ночь прошла, настало утро.

Сидящий и в шкале — сказал я Джеку. — Если нам не удастся отскотать стурту Г. Г. Гриттена, мы вынуждены будем его отпустить. Вечером он должен уже быть в своей комнате, иначе нас пошлится полиция, ФБР, армия, военно-морской флот, авиация и сам президент, если же Гриттен, не может незнать песенку, не зная бесполитичности целой армии подчиненных и партнеров по бизнесу. Если кому-нибудь придет в голову, что Гриттен похищен, что развернется пекло и логично так нас со всеми потрясали.

«Миссе Гриттен, — сказал я ей, — прошу вас не волноваться и охранять в тайне содержание нашей беседы. А сейчас возьмите, пожалуйста, билет на улю, отворите дверь и отсыпьте в мешок пять миллионов долларов. Как только деньги будут доставлены в указанное место, ваш супруг цед и невредим возвратится домой».

И ничего не сказала миссе Гриттен. Не было дома.

Единственной выгород за мои выброшенные деньги были звучные длинные гудки и гудки. Я ушел, хлопнув дверью телефонной будки.

— Мистер Гриттен, — меланхолично проинес я, приехав домой, — вы свободны. Возвращайтесь к своим делам, к своим горько любимым нефтяным вышкам.

— А пять миллионов? — живо заинтересовался он.

— Мне кажется, я выразился достаточно ясно: идите домой. Надеюсь, вам здесь понравилось. Перекомандуйте нас своим друзьям.

Он даже не попрощался. Мы смотрели, как он шп через сад, по лесной тропинке, пона не срывался за поворотом.

— Плавал я эти пять миллионов долларов, свободных от налогов и финансовой отчетности, — сказала я своим компаньонам, которые были подвезены случайным же не меньше моего. — Все пропало, потому что эта мерзкая баба, эта Гриттенка, не слала трубку! Если бы она отказалась от выкупа к парикам и от кофейных сплетен с мадам Рокс, если бы хотя раз сказала «алло», — деньги были бы у нас в кармане!

— Это самый страшный день в нашей жизни, — постова Джек, и я не стал возражать ему.

В один лишь нам повело. Мистер Г. Г. Гриттен, не желая видеть свое светлое имя на страницах газет в незелостом сочетании с нашими фамилиями, скривл прошение от полиции. Мы тоже молчали: не в наших интересах было, чтобы кто-нибудь, а уж особенно Барни Вло, узнал, как пять миллионов долларов ушли из нас под лод шес.

Джек, Вло и я были так потрясены этой дичной истерией, что начали серьезно подумывать о ликвидации фирмы.

Отправился я в контрору до найму, чтобы подкачать себе какую-нибудь работенку, а вдруг встречать так моего соперника и свободного конкурента Барни Вло.

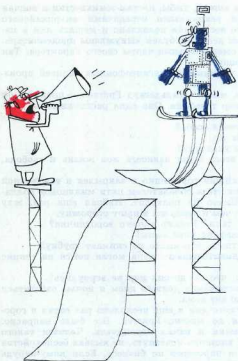
— Как дела? — спрашивает он заискивающе, а у самого вид печальный, как у голодающего бегемота. — Знаешь, Вулш, я решил переквалифицироваться...

— Это почему? — вздумался я.

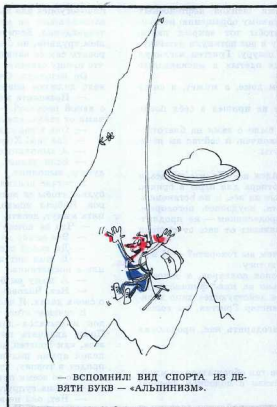
— Мы придумали потрясающий номер, да ничего у нас не вышло. Видно, опыта не хватило. До сих пор не пойму, в чем наша ошибка... Дело было так: мы похитили жену самого богатого человека в мире Г. Г. Гриттен. Без долгу предрасположены только одна нельзя было договориться до ее супруга, чтобы получить с него пять миллионов выкупа. День и ночь мы на телефоне висели, — вздохнул он печально, — не могу понять, почему старик Гриттен не снимал трубку.

— Я тоже не повисаю, Барни, — сказал я и ушел в оборот.

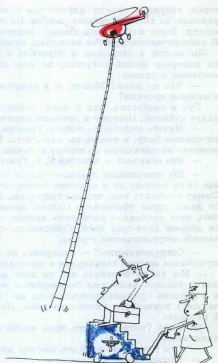

— И НЕ ЗАБУДЬ ЧЕРЕЗ СТО МЕТРОВ
ВКЛЮЧИТЬ СИСТЕМУ МЯГКОЙ ПО-
САДКИ.

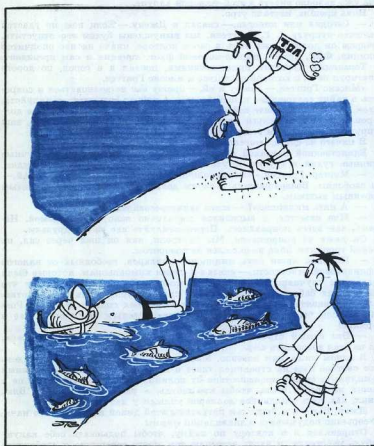

— ВСПОМНИЛ ВИД СПОРТА ИЗ ДЕ-
ВЯТИ БУКВ — «АЛПИННИЗМ».

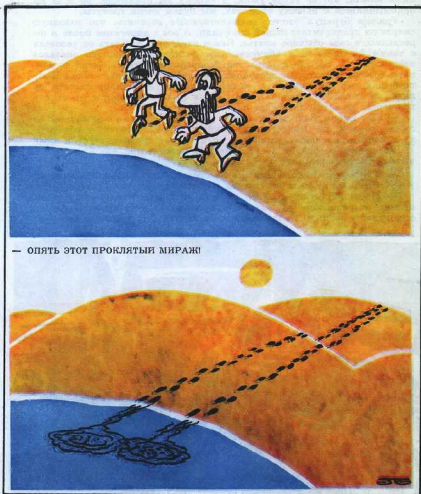

СЕРВИС.

Рисунки В. АРСЕНЬЕВА и В. ЛАЗОВСКОГО

Первая страница обложки:
Молодой архитектор ГИПРОГОРА: Вла-
димир ВЫБОРНЫЙ. Фото В. САЖКА

— ОПЯТЬ ЭТОТ ПРОКЛЯТЫЙ МИРАЖ!

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерков и публицистики — Д 3-31-03; международная линия — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-87; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; студенческой молодежи — Д 0-49-98; информации — Д 1-04-10; оформления — Д 0-29-58.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганчичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замосхов, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Художник-оформитель В. Соколов
Технический редактор Н. Вудникова

А 10242 Подписано и печати 11/11 1966 г.
Формат бум. 70 x 108^{1/8}. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6.
Тираж 1 000 000. Изд. № 726. Заказ № 900.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НЕ МЯТИ

Темп вальса

Слова Владимира СЕРГЕЕВА
Музыка Юрия ЧИЧКОВА

Помню город, окнами расцвеченный,
Гасит звезды в синей глубине.
Вечер полон, полон песнями и встречами.
Ты спешишь, спешишь, спешишь, спешишь ко мне.

Припев:
Не могу я ответить за нас двоих,
Только мне на моем пути
Не от глаз твоих, не от рук твоих,
Не от губ твоих
Не уйти.

Молодость шальная виновата ли,
Что одной не стали мы семьей,
Или просто, просто так и не сосватали
Звезды, звезды, звезды, звезды нас с тобой.

Припев.

Нам теплее с тобой и не откажешься
Выйти в жизнь тутким ветрам назло,
И тебе, тебе порою даже кажется,
Будто, будто, будто, будто повезло.

Припев.

Горечью разлуки мы наказаны,
И мечты расстали во мгле.
Так захочет, захочет любовью путями разными
Ходит, ходит, ходит, ходит по земле!

Припев:

Не могу я ответить за нас двоих,
Только мне на моем пути
Не от глаз твоих, не от рук твоих,
Не от губ твоих
Не уйти.

По горизонтали:

9. Металл.
10. Озеро в Приморском крае.
11. Русский астроном, академик.
14. Белковое вещество живых клеток.
15. Краевой центр РСФСР.
17. Источник мрамора.
18. Русская оперная певица.
19. Планета.
22. Единица длины.
25. Герой повести Д. Толстого «Назавани».
27. Оператор В. Муравлев.
31. Паулиновый коралл.
32. Метод научного исследования.
33. Птичка, обитающая на берегах водоемов.
36. Металл, применяемый для изготовления точных инструментов.
38. Правильный многогранник.
39. Русский металлург XIX века.
40. Смесь воды и грунта, получаемая при земных работах гидравлическим способом.
45. Басня И. А. Крылова.
46. Дендритичный выходящее мушкетер.
47. Валет А. Адама.
52. Изобретатель, создатель винных механизмов, сооруживший.
53. Советский завод, выпускающий мощные турбины.
54. Химический элемент.
55. Частица света.
56. Одежда носомата.

По вертикали:

1. Русский поэт XIX века.
2. Клоновое дерево.
3. Разговор между незнакомыми людьми.
4. Ивандатский бой.
5. Город в Зетонии.
6. Горнопромышленное предприятие.
7. Лимон, содержащий углекислоту.
8. Единица частоты колебаний.
12. Газель, обитающая в степях Центральной Азии.
13. Расказ М. Горького.
16. Народный художник СССР, лауреат Ланской премии.
20. Стартовая площадка для запуска космических кораблей.
21. Любимое растение цветов.
23. Небольшая пресноводная рыба.
24. Стихотворение М. Светлова.
26. Один из организаторов Советской власти в Дагестане.
28. Одноименное растение.
37. Русский ученый-математик XIX века.
38. Белая глина.
39. Удобрение.
41. Рыба, разводимая в аквариумах.
42. Остров в Средиземном море.
43. Горная порода.
44. Персонал балета «Мазель».
48. Спортивное судно.
49. Раздел физики.
50. Знакаториальное соедение.
51. Философ, родоначальник английского материализма.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

5. «Интернационал».
8. Коммунар.
9. Петушиный.
13. Тонно.
14. Гометрия.
15. Оплет.
18. Османли.
21. Захаров.
22. «Наизина».
23. Выгуч.
24. Кельмо.
28. Вязурич.
29. Отваж.
30. Матейко.
33. «Глина».
34. Голубица.
35. Илань.
38. Гитарист.
39. Градирня.
40. Металлалитика.

По вертикали:

1. «Знамя».
2. Верьер.
3. Полудни.
4. Фагот.
6. Полюшка.
7. Мистраль.
10. «Комсомольская».
11. «Щербица».
12. Ракоустойчивый.
16. Шелководство.
17. Малхотан.
19. «Стрелка».
20. Оксиды.
25. «Стрелка».
26. «Дружба».
27. «Светлана».
31. Воллард.
32. Алданит.
38. Габос.
37. Шипка.

ВТОРОЙ ПОТОК КУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОДАЖ

Прошедшая в 1964 году первая Всесоюзная художественная лотерея пользовалась большим успехом у населения.

В конце нынешнего года состоится тираж второй лотереи.

Количество выигрышей увеличится с 26 тысяч до 200 с половиной тысяч, возможность выигрыша возрастает в 6 раз.

Б. КЕЛЬБЕРЕР. СЕВЕРНАЯ ЧАСОВНЯ.

В. КОКУРИН. ВЕТЕР.

Картины, которые будут разыграны в лотерее:

Ю. МАТУШЕВСКИЙ. СИРЕНЬ.

В числе выигрышей: картины известных художников нашей страны, оригинальные и тиражированные произведения графики и настольной скульптуры; художественные изделия из фарфора, стекла и керамики, декоративные ткани, ковры и ювелирные изделия; гравюры современной мебели и декоративного убранства жилого интерьера;

кинги от крупнейших мастеров кисти, резьбы и керамики, альбомы репродукций, комплекты художественных открыток, которые познакомят вас с историей развития советского изобразительного искусства и его выдающимися произведениями;

экскурсионные путевки на поездки в Москву, Ленинград, Киев, столицы прибалтийских республик для ознакомления с сокровищами художественных музеев и памятниками культуры.

ЛОТЕРЕЙНЫЕ БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ в сберегательных кассах, в салонах Художественного фонда, в магазинах книжоторга, киосках «Союзпечать», кассах художественных музеев и выставочных залов, в театрально-зрелищных кассах и Домах культуры.

Цена билета — 50 копеек. Стоимость выигрыша до 1 000 рублей.

Н. КОЖАНОВ. РАКИ.

